

МОЖНО ЛИ «ШАЛИТЬ КЛЯТВОЮ»?

О поэтической речи А. Н. Майкова

*П. А. ГАПОНЕНКО,
кандидат филологических наук*

Сочетание изящных, пластичных образов с гармоничным звучанием стиха — одна из характерных примет поэтического стиля А. Н. Майкова. Эту манеру он унаследовал от К. Н. Батюшкова, чьи произведения, по его собственному признанию, «имели главное и решающее влияние на образование» его «слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву» (Русская старина. 1887. № 11. С. 561—562).

Стихи Майкова, изысканные по форме, отличающиеся «гармонической точностью» и соразмерностью, отражали вполне «земное» восприятие поэта. Ощущение полноты жизни и её реальных ценностей требовало «звучных, размеренных» стихов («Октава») и насыщенной краски, «пластической красоты» образов («После посещения Ватиканского музея»).

В поэтических опытах Майков пошёл, однако, дальше своего гениального предшественника. Он смело вводил в стихи неповторимые, типично «майковские» образы, необычные словосочетания, которые воспринимались современниками как поэтические «находки». Подобно Батюшкову, но гораздо последовательнее и энергичнее, Майков открыл доступ бытовой лексике, «прозаизмам».

Всё это, разумеется, не было для Майкова самоцелью, это требовалось ему для усиления реалистической и психологической выразительности стиха. Ему хотелось как можно точнее и совершеннее передать психологическое состояние лирического героя в античных антологиях и собственного «я» в бытовых стихах. [Соглашаясь с бытующим мнением, что Майков не становится лирическим героем своих творений, мы допускаем, однако, оговорку, что в его так называемых бытовых стихах (термин, конечно, чисто условный) присутствует авторское «я», образ поэта, тогда как в его антологических стихотворениях целесообразнее говорить о лирическом герое.]

Жанр антологического стихотворения явился для Майкова огромной школой мастерства. В нём скупое и простое, без чувствительности и ложного украшательства поэт воплощал в поэтической речи исчезнувшую красоту античного мироощущения. Но эстетические возможности антологического стиля всё же были ограничены и не могли до конца удовлетворить взыскательного поэта. Антологическое стихотворение передавало настроения гармонически уравновешенные, «безоблачные». В тех же случаях, когда требовался анализ чувств современного человека, более углублённый психологизм, потребность в котором Майков испытывал на протяжении всего творческого пути, жанр антологического стихотворения оказывался бессильным. Он уступал место жанру собственно лирического стихотворения с его более выразительными возможностями реалистического письма.

Не случайно в отзыве на сборник стихотворений Майкова (1842) В. Г. Белинский обратил внимание на те стихотворения «неантологического рода», в которых ощутима «духовная подвижность» их автора, «зародыш новой для него эпохи творчества» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 29).

Свидетельством «духовной подвижности» Майкова может служить, например, одно из его лирических стихотворений середины 50-х годов — «Точно голубь светлую весною...», вошедшее затем в раздел «Из дневника». Оно примечательно именно тем, что поэт сумел запечатлеть в нём своеобразную «диалектику души» человека, сложность и противоречивость его чувств.

Героине этого произведения как будто нет резона печалиться: она окружена заботой и вниманием находящегося с ней рядом любимого человека. Человек этот, упоённый «музыкою счастья», пытается «охватить душой своей» «миг», в который его спутница «веселья нежною полна». Иными словами, остановить прекрасное, «как луч среди ненастья», мгновенье тщится герой стихотворения. А что же героиня?

В начале стихотворения о её душевном состоянии сказано определённо и однозначно: «В первый раз, быть может, всей душой долго сжатой страсти предана». Но буквально через шесть строчек лирический герой, от чьего имени написано стихотворение, вынужден недоумевать:

Виду, вдруг ты смолкла, в сердце мука,
И слеза струится за слезой.

Чем же вызваны эти слезы? Оказывается, героиня, по её словам, не привыкла к счастью, её страшит неизвестность: к добру ли оно?

И герой философски мудро заключает:

Ну, так что ж? пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слёзы
Мы опять душой благословим.

Путь к счастью — через страдания и слёзы — такова, говоря упрощенно, мысль этого стихотворения. Слёзы воспринимаются здесь не лишь как «способ трогать» (по словам Н. М. Карамзина), но выражение предельной искренности и непосредственности человеческого чувства.

Удивительным образом стихотворение «Точно голубь светлою весною...» перекликается со стихотворением А. К. Толстого «Запад гаснет в дали бледно-розовой...» В них — родственная психологическая ситуация: тонкая душевная организация женщины, чутко откликающейся на всё прекрасное и одухотворённое, и деликатность героя, его почти обожествлённое отношение к своей избраннице. Он способен по-настоящему понять и оценить мучительную борьбу страстей в её душе. Герой Толстого даже просит любимую не скрывать от него свою боль, а растопить её в слезах: «Плачь свободно, моя ненаглядная,/Пока песня звучит соловьиная...»

Оба произведения отличает обострённое внимание к психологической характеристике персонажа, реалистически достоверное изображение жизни.

Этой же цели служит у Майкова бытовая, просторечная лексика. Майков не избегал «прозаизмов», напротив, он вводил их в свою поэтическую речь наравне со словами, испокон века считавшимися «избранными», «высокими». Например: «мрачно *чешется*» — о мужике («Весенний бред»); «*не дать ли тягу*» («Арлекин»); «*шалая* эта дура» — о литературе («Другу Илье Ильичу») — подобные обороты нередко встречаются у Майкова,

причём не только в дружеских посланиях, сатирах, но и в лирических стихотворениях.

Бытовые штрихи иногда разрастаются в развёрнутые сравнения, метафоры и уподобления, имеющие чаще всего «зрительный» характер. Так, в стихотворении «Вихрь» («Полн чёрных дум, я в поле проходил...») нарисована ужасающая картина стремительного «вихря», увлекающего за собой людей. Впечатление усиливает «бытовое» сравнение, к которому прибегает поэт:

И франтов рой бежал по их следам,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дам:
Так спугнутых домашних уток стая
Бежит по пруду, шлёпая крылом
И взвиться в воздух силы напрягая...

А в послании «И. А. Гончарову», передающем впечатления Майкова от путевых очерков автора «Фрегата „Паллады“», возникает поэтический образ белой морской чайки, «ширяющей» над рекой и вдруг в солнечный золотой день влетевшей «в город, где пыль и гранит». Этот удачно найденный образ помогает поэту выразить своё отношение к путевым очеркам Гончарова.

Используемые Майковым слова из «сниженной» лексики, вводимые им бытовые штрихи и образы не приводили к стилистическому разнообразию. Стиливая двуплановость произвела впечатление диссонанса в отношениих реального мира и идеальных представлений о нем. «Бытовая» лексика, которая вторгалась в «высокий» поэтический словарь, служила своего рода «сигналом», напоминавшим о каждодневной реальности и не позволявшим поэту до конца порвать живые связи с ней. Вместе с тем бытопись в поэзии Майкова свидетельствовала о его тяготении к реалистическому письму.

Наблюдениями над жизнью объясняется, по-видимому, и то, что поэтический словарь Майкова включает в себя и такие далеко не «поэтические» слова, как *аферисты*, *депутаты*, *массы*. В стихотворении «Юношам» встречается *самосознание* — слово скорее из научного, нежели поэтического употребления. Причём рифмуется оно со словом *обоняние* — своего рода «прозаическая» рифма. Ср. в стихотворении «Старый хлам»: *франты* — *спекулянты* или в стихотворении «Арлекин»: *аферистам* — *журналистам*. Кстати, в «Арлекине» излюбленная «батюшковская» рифма *граций* — *акаций* «прозаизируется»: *граций* — *спекуляций*.

Оригинальность Майкова-стилиста заключается и во многих его образных построениях и словосочетаниях, выделяющихся на фоне современной ему поэзии свежестью восприятия.

Свистят и искрятся визгливые коньки — это из стихотво-

рения «Зимнее утро». Обычно со словом *визгливый* сочетается существительное *голос*, а тут предлагается *коньки* — подобного образа мы не встречаем ни у предшественников, ни у современников Майкова.

В стихотворении «Scholia» своеобычностью и новизной отличается сочетание *пей классически*. В контексте стихотворения, построенного на контрасте между радостями жизни и её «скоротечностью», этот образ как нельзя лучше подчёркивает ясность духа перед лицом смерти:

Вели связать венков, принесть столетних вин,
И пей классически, назло судьбам упрямым.

Не менее выразителен у поэта оксюморонный образ *шалить клятвою* в стихотворении «Во мне сражаются, меня гнетет жестоко...» В результате сближения слов «игривого» и торжественного, наполненного «серьёзным» значением, возникает новое смысловое качество. Обращает на себя внимание сравнение «И рыщет ветер, один, что конь пустынный...» («Comagna di Roma», 64). А в стихотворении «Дикарка» образ «первозданной от Господа жены», — первой женщины, — «схвачен» замечательно простым и «свежим» тропом: «...её красы/Одеты в пышный шёлк распущенной косы».

Внимательного, отдельного разговора заслуживает также идейно-образная переключка Майкова со своими предшественниками и современниками. Самые разнообразные реминисценции из стихотворений Пушкина, Батюшкова, Жуковского, Тютчева и др. не сделали его поэтическую речь «литературной», «вторичной», — наоборот, впитав в себя богатство литературных ассоциаций, художественное слово замечательного русского стихотворца стало ещё более выразительным и живописным.

Орёл

Словарь «кармической» поэзии

Э. А. ОБУХОВА,
кандидат филологических наук

В разговорах о русской поэзии часто избегают (или: забывают?) темы, не тайной и не запретной, но, может быть, просто очень личной — «кармические» стихи. «Кармические» — термин в определённом смысле условный, происшедший от слова *карма*, заимствован из индийской религиозной философии. Буквально *карма* — поступок, действие или «совокупность всех добрых и дурных дел, совершённых индивидуумом в предыдущих существованиях и определяющих его судьбу в последующих» (Мифологический словарь. М., 1991. С. 278).

Одним из первых в России о *карме* заговорил поэт и философ Вл. Соловьёв. В критических статьях о поэзии он писал, что *кармический самоанализ* является определяющим в формировании характера личности. Прививаясь на русской почве, понятие *кармы* у Вл. Соловьёва, а позднее у большинства русских поэтов заметно деформировалось, но глубинная суть его оставалась неизменной: *карма* — это нравственный, причинно-следственный закон, а «кармическое» мироощущение основано на познании этого закона. Чем крупнее личность, тем беспощадней самооценка, тем масштабнее *кармическое знание*. На определенном уровне возможен прорыв к прозрению прошлого и будущего — своего, современников, целого народа или страны, как у Даниила Андреева.

Стихотворные тексты, которые можно объединить под условным названием «кармические», — та же русская поэзия, но имеющая особые темы и только ей свойственную суть выраженных состояний: мотив «переселения душ», предчувствие форм будущих воплощений, попытки проникновения в причины предопределённого в судьбах и моменты осознания действия закона *кармы* (см. об этом в статье К. Г. Исупова «Историзм Блока и символистская мифология истории» (Введение в проблему)// Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991). Сюда можно отнести несколько текстов Александра Блока («Ночная фиалка», триптих «Венеция», стихи «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Твое лицо мне так знакомо...» и др.), драму «Метель» Марины Цветаевой

и около десяти ее стихотворений. Это «Памяти Г. Гейне», «А следующий раз — глухонемая..», одно — из циклов «Стихи к Блоку»; два-три стихотворения Николая Гумилева («Прапамять», «Позор») и еще Фёдор Сологуб, Константин Бальмонт, Осип Мандельштам — у этих поэтов большинство произведений «кармические». Как и почти все творчество Даниила Андреева.

Эти и другие произведения имеют и свой язык, свой «кармический» словарь.

Один из самых распространённых в «кармической» поэзии — мотив «вечного возвращения». В стихах начала века он переживался как ощущение безысходности в мире повторений, где невозможно ничто новое, и человек обречён на круженье — те же поступки, встречи, события:

Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

У Блока тема повторенья-круженья одна из постоянных. Она сопровождается ключевыми словами *кольцо* или *круг* («И душа моя вступила в предназначенный ей круг»), а чаще знаком темы становится слово *опять*. Например, цикл «На поле Куликовом», который прочитывается как воспоминание о событиях прошлой жизни («*Опять* с вековой тоскою/Пригнулись к земле ковыли./ *Опять* за туманной рекою/Ты кличешь меня издали...»). Этим приёмом акцентирован закон повторяемости, который стягивает возможности событийного ряда к кругу, и кажущееся новым лишь узнаваемо, потому что оно уже было («как бывало»): «Но узнаю тебя, начало...»

Историческое событие — «бой» — воспринимается тоже не «новым», и поэтому в предощущении его возникают элементы прошлого знания, так как память успела накопить подобное. Пейзаж когда-то был таким же, и это имело определённое значение: «Недаром тучи собрались» — есть опыт. В финале цикла, когда сознание поэта возвращается к настоящему, передано оставшееся от пережитого в прошлом ощущение: «Доспех тяжёл, как перед боем» — как бывает перед боем, как бывает перед испытанием такого масштаба — как уже «бывало».

В стихотворении «Двойник» «позабитый напев» играет ту же роль, что и пейзаж в начальной строке цикла «На поле Куликовом»: «Река раскинулась. Течёт, грустит лениво...» Образ-воспоминание в «Двойнике» возник вместе с восстановленной мелодией. И как сигнал связи с прошлым появляется слово *опять*: «И стало мне странным казаться, что я его встречу *опять*». Еще ясней звук неизбежного круженья слышен в стихот-

ворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...»: «Умрёшь — начнёшь *опять* сначала,/И повторится всё, как встарь...»

У Блока слово *опять* — знак большой семантической ёмкости. Его присутствие в тексте — сигнал невозможности нового («пиоца» — как называл это явление сам Блок).

В одном из обращённых к Блоку стихотворений Марины Цветаевой, чутко любившей поэта, слышится явственный отклик на трагическую безысходность круженья в его «кармической» судьбе. В этих стихах она ищет поэта, умершего и где-то воплотившегося вновь:

Без зова, без слова, —
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, *снова*
Пришёл, — в колыбели лежишь?

Новое рождение — надежда на выход из круга и изменение *кармы*. Но на переломе стихотворения вновь возникает тема *кармического кружения*: «Не полог, а птица/Раскрыла два белых крыла! — И *снова* родиться,/Чтоб *снова* метель замела?!» *Снова* — не блоковское слово, но Цветаева не употребляет и блоковское *опять*, ведь оно из прошлой оконченной жизни. И пока ещё есть надежда на то, что в новой жизни поэт вырвется из круга повторений, в стихотворении звучит не *опять*, а *снова*. В стихах о Блоке Цветаева в определённом смысле предстаёт перед нами биографом поэта, попытавшимся вникнуть в его «кармическую» судьбу (почему круженье? что повторяется?).

И вот характерный цветаевский порыв — «Рвануть его! Выше!/Держать! Не отдать его лишь!/О, кто мне надышит,/В какой колыбели лежишь?» Это был бы подвиг огромного масштаба. Цветаева и называет его подвигом. Но выйти из *кармического круга* человек может только сам. И Цветаева, сильная, любящая, оказывается беспомощной перед тяжестью чужой *кармы*. Именно тогда в её стихах появляется это зловещее слово *опять* — знак непобедимого круженья: «Огромную впалость/Висков твоих — вижу *опять*».

Слово *сон* наиболее часто встречается в «кармических» текстах. Сон в значении «жизнь», осознанная как ошибочное воплощение, как жизнь ненастоящая — один лишь сон: «Я опоздал. Мне страшно. Это — сон» («Концерт на вокзале» Осипа Мандельштама), у Фёдора Сологуба об этом все стихотворение «Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...» и др., у Блока — один из многочисленных примеров: «Тяжёлый сон, проклятый и упорный,/Мне душит грудь». Отчётливо написал об этом Николай Гумилёв в стихотворении «Прапамять»:

Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

Словарь языка «кармической» поэзии, её метаязык включает в себя не только отдельные слова, но и словосочетания, такие как «холод тайный» (М. Ю. Лермонтов), «двойная бездна» (Д. С. Мережковский), и даже целые предложения. Их, видимо, немного, но есть одно, пожалуй, важнейшее для русской поэзии, пронизанной *кармическим сознанием*. Это стих «Что же мне так больно и так трудно?» из «Выхожу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова. Поэт, быть может, стал первым, кто сумел с такой силой поведать о своем ощущении несовпадения с настоящим, причём ни у кого из позднейших стихотворцев не было такого, почти физически ощущаемого, разлада с жизнью — не тот мир, не та планета!..

«Тайный холод» — симптом принадлежности к «иным мирам», к «иной отчизне» (Фёдор Сологуб), инородности всему здешнему, знак, если позволите, жизненного неприятия, или, как определила такое отношение к действительности З. Н. Гиппиус в названии своей работы о В. В. Розанове «Наименее рожденный», — о степени причастности к жизни.

Стихом «Что же мне так больно и так трудно?» передан пик трагического осознания непричастности к миру. Этот стих вошел в русскую поэзию целостным, как слово, с семантическим максимумом выраженного понятия (см. статью Д. С. Мережковского «М. Ю. Лермонтов — поэт сверхчеловечества» // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991). Другие поэты, пользуясь строкой Лермонтова, всегда видоизменяли её и таким образом ослабляли, снижая её трагический масштаб. Но лексическое ядро (словарный смысл в словаре «кармической» поэзии) оставалось тем же: переживание своей жизни как факта ошибочного воплощения — не там, не тогда, не таким пришёл в мир.

В стихотворении Николая Гумилёва «Заблудившийся трамвай» находим один из вариантов употребления слова-стиха в родственном тексте. Здесь оно звучит как сигнал катастрофы: «И всё ж навеки сердце урюкмо, / И трудно дышать, и больно жить...»

Поправка к лермонтовскому стиху значительна. У Гумилёва путаница времён и мест — метафора, передающая ужас советского хаоса как космическую катастрофу. У Лермонтова нет метафоры, его несовместимость с миром буквальна.

Осип Манделштам начал со своей формы слова-стиха реквием «Концерт на вокзале»: «Нельзя дышать, и твердь кишит червями, / И ни одна звезда не говорит...». Кажется, что лермонтовская строфа здесь трудно узнаваема — не осталось ни одного слова

из неё. Но «старая песня», как назвал Мандельштам «Выхожу один я на дорогу...», присутствует то в виде антицитаты: «И звезда с звездою говорит» — «И ни одна звезда не говорит», то как ряд текстуальных аллюзий: «В небесах торжественно и чудно» — «Твердь кишит червями», шар земли «в сиянье голубом» и «вокзала шар стеклянный».

Для стихотворения Мандельштама (как и для гумилёвского «Заблудившегося трамвая») лермонтовский шедевр — произведение как бы родительское. Для парадигмы слова-стиха «Что же мне так больно и так трудно?» он — начальная форма, лексема. Мысль Лермонтова об осознании несовпадения индивидуума с веком, местом, миром, обществом как о причине его человеческой трагедии облечена во флективную формулу.

Что же мне так больно и так трудно?
И трудно дышать, и больно жить...
Нельзя дышать.

Функцию флексии частично выполняет интонация конца предложения, можно сравнить последние знаки в трёх приведённых формах слова-стиха.

Аффиксами являются все слова, кроме корневых *больно* и *трудно*. Аффиксальные слова *дышать* и *жить* появились впервые в форме слова-стиха у Ф. И. Тютчева, в тексте, казалось бы, далёком от «Выхожу один я на дорогу...» — в любовных строках из «Не говори: меня он, как и прежде, любит...»:

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу ещё *болезненно* и *трудно*,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Третий стих строфы представляется наиболее близким к лермонтовскому среди форм, приведённых выше.

Стихи Тютчева тоже о несовпадении, но не с планетой или эпохой, как у Лермонтова, а с любимым человеком. Это несовпадение в любви осознаётся трагически, как мировая катастрофа. Недаром самоубийство и любовь у Тютчева — близнецы (стихотворение «Близнецы»).

Варианты форм лермонтовского слова-стиха обнаруживаются в текстах А. Фета, Ф. Сологуба, А. Ахматовой, Б. Пастернака и других поэтов. Можно было бы составить относительно полную парадигму из слово(стихо)-форм и это, вероятно, выявило бы какие-то определённые тенденции формоизменения. Хотелось бы привести уже без комментария только один пример флективного слова-стиха из поэмы Даниила Андреева «Железная мистерия»:

Сам не знаю... С наклонными штольнями
Схоже то, что вижу теперь;
Только сделалось трудно, больно мне, —
Не обманываю, дядя, верь!
Голос светится вроде инея;
В злых пещерах — ряды колонн,
И сияние, синее-синее,
Тихо льющееся под уклон...

«Кармические» слова и словосочетания не теряют буквального смысла. Их особенность в том, что именно первое значение из обыкновенного толкового словаря разрастается до семантической плотности мифологема. Так, слово *вокзал* у Гумилева: «Видишь вокзал, на котором можно, /В Индию Духа купить билет?», у Мандельштама: «Концерт на вокзале», у Белого в повести «Возвращенье на родину»: «Я умер на бернском вокзале...», не потеряв прямого значения — «здание большой станции», получило в «кармической» поэзии функцию знака определённого состояния. Можно назвать его пограничным — это как бы одновременное ощущение обеих бездн, жизни и смерти. «В контексте „умиранья века“ внезапная смерть Анненского (накануне, на грани, на вокзале) приобретает символическое значение» (Барзах А. «Рокот фортепьянный». Мандельштам и Анненский // Звезда. 1991. № 11. С. 163).

«Кармический» словарь потрясает тем, что его слова часто появляются раньше, чем факты действительности, обеспечивающие их понятийную основу. Но, в конце концов, фактические события подтверждают языковые.

Харьков

ФЁДОР СОЛОГУБ

По родовым своим корням Федор Сологуб (1863—1927) не похож на остальных корифеев символизма, вышедших преимущественно из обеспеченных социальных слоев. Он был из «кухаркиных детей» в буквальном смысле слова. Родился в Петербурге, в семье портного, в недалеком прошлом крепостного крестьянина; четырех лет лишился отца и воспитывался матерью, оставшейся без мужа с двумя детьми и поступившей в прислуги.

Настоящее имя поэта — Федор Кузьмич Тетерников. Учился он в уездном училище, а с шестнадцати лет — в Петербургском учительском институте. Рос в крайней бедности, испытал много трудностей и унижений. В богатом доме хозяйки, у которой служила мать Сологуба, он улавливал кое-какие обрывочные знания, зачатки культуры, часто бывал в театре, но учил свои уроки в отгороженном шкафом углу передней, спал в кухне на сундуке. Много читал: в одиннадцать-двенадцать лет прочитал всего Белинского, следом Добролюбова, Шекспира, Сервантеса; большое впечатление произвел на него роман Достоевского «Преступление и наказание», судьба Раскольниково его потрясла.

В девятнадцать, став учителем, Сологуб на протяжении долгих десяти лет преподавал математику в глухих северных городках (Крестцы, Великие Луки, Вытегра). Жил с матерью и сестрой, сильно нуждаясь и болезненно, до страдания, реагируя на отупляющий мещанский быт провинциального окружения, на его бездуховность. К своим учительским обязанностям относился очень честно, вызывал недовольство начальства своими проектами по улучшению народного образования. Проявил большую волю к овладению ценностями культуры и искусства, на скудные гроши выписывал газеты и журналы. Рано начав писать, опубликовал с

десяток стихотворений, в Вытегре приступил к переводам стихов Верлена, читал сочинения модного тогда философа Шопенгауэра.

В 1892 году Сологуб переехал в Петербург и получил место учителя математики в одном из городских училищ, позднее был назначен инспектором другого училища и даже стал членом Петербургского уездного учительского совета, отдав педагогической работе 25 лет, пока в 1907 году его неожиданно не уволили. После встречи и знакомства с поэтом Н. М. Минским, заинтересовавшимся Сологубом, он был введен в круг сотрудников журнала «Северный вестник», где печатались представители «нового искусства» — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт. Первоначальное общение с символистами оставило в Сологубе, как он говорил, «глубокий и серьезный след». Однако здесь было и совпадение философско-художественных устремлений Сологуба с символистами, хотя декадентскую надломленность поэта критика воспринимала как порождение страшной действительности того времени, как печать его личной судьбы. В «Северном вестнике», кроме стихотворений, Сологуб опубликовал свой первый роман «Тяжелые сны», здесь же, в редакции журнала, ему был придуман псевдоним.

В декабре 1896 года у Сологуба вышла первая книга стихов. Поначалу этот провинциальный, замкнутый по характеру учитель был среди писателей словно бы затерянным. «Как мало заметен был тогда Сологуб в литературе, так же и даже еще незаметнее был он и лично в литературных сборищах, — вспоминал П. П. Перцов. — Тихий, молчаливый, невысокого роста, с бледным худым лицом и большой лысиной, казавшийся гораздо старше своих лет, он как-то пропадал в многолюдных собраниях». Но довольно скоро имя поэта обрело известность, а после выхода его романа «Мелкий бес» (1905), в котором был раскрыт ужас мещанского провинциального уклада жизни, Сологуб стал уже знаменитым.

Ранние стихи Сологуба были не чужды гражданственным мотивам, звучавшим в реакционные восьмидесятые годы в поэзии С. Я. Надсона, Н. М. Минского, П. Ф. Якубовича-Мельшина. Однако главную окраску им придавало настойчиво выражаемое чувство тоски и бессилия, неприятие тусклой действительности, уход в бесплодную мечту — все это и вело молодого поэта в конечном итоге в лагерь символистов. В книгах стихов Сологуба — «Родине» (1906), «Пламенный круг» (1908), «Алый мак» (1916) отчетливо запечатлен духовный лик поэта, круг его тем и пристрастий. Его стих певуч и мягок и вместе с тем чрезвычайно изыскан. В нем есть своя четкость, отвергающая прикрасы и ухищрения. «Стихи чистые и прозрачные,

как тонкие льдинки под декабрьским негреющим солнцем», — отзывался о поэзии Сологуба К. И. Чуковский, считая, однако, его творчество очень неровным.

Федор Сологуб — один из самых печальных, пессимистических лириков в русской литературе. Бесконечно варьируя свою основную тему, он рисует человеческую жизнь как неволю, темницу, плен, «безлепицу», «одноглазое лихо». По Сологубу, бесчеловечен сам миропорядок, а бытие — это «овеществленный бред». Мир зол и ложен, пространство и время — земное бремя, человека терзают надличностные, космические силы. Само солнце — зиждитель жизни — злой Змей, Дракон, обуянный безумием. Спасение поэта — страстная мечта о лучших мирах. Сологуб воспевает фантастическую, потустороннюю страну, прекрасную Ойле, помещая ее на вымышленной светлой звезде Маир. Гимны мечте перемежаются у него с гимнами смерти — избавительницы от земного тяжкого плена. Это не мешает присутствию во многих его стихотворениях элементов язвительного, строгого и сурового реализма. Сатирическое начало сологубовского таланта ярко проявилось в 1905 году, когда он печатался в возникавших, как грибы, революционных журналах, публикуя в них стихи, сказочки и притчи, бичующие правительственные власти и полные сочувствия народу. Широко известно стихотворение Сологуба о жертвах жандармского террора — «Искали дочь». Тогда же, в 1905 году, Сологуб выступил с резкой критикой статьи Д. С. Мережковского о Грядущем Хаме.

В десятых годах нашего века Сологуб все больше отдается писанию прозы — появляются его рассказы, романы, пьесы, не раз шедшие на сцене. Выступал он и как переводчик. Слава его росла, угрюмый писатель даже устраивал в своей квартире нечто вроде литературного салона. Три раза выходило многотомное собрание его сочинений.

Восторженно встретив Февральскую революцию, октябрьский переворот Сологуб внутренне не принял, хотя на первых порах участвовал в культурно-просветительской работе. В 1920—1923 годах у него вышло несколько небольших стихотворных сборников. Тяжелый удар обрушился на Сологуба в 1921 году, когда в приступе психастении покончила жизнь самоубийством его жена А. Н. Чеботаревская. Свои закатные годы писатель доживал в Царском Селе. В прощальных стихах он теперь славил «милую жизнь» и ее радости, ее творческое начало. Страстно интересовался астрономией, теорией относительности, считая XIX век веком музыки, а XX — веком математики.

Н. В. Банников

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896

* * *

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою,—

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889

* * *

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

5 января 1887

* * *

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!»

18 мая 1897

* * *

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.
В скитаниях ненужных,

В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895

* * *

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,
Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном создании одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898

* * *

Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится,—
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899

Ирина

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду,
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки,
Я смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня,—
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1—22 октября 1892

Гимны родине

1.

О Русь! в тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О родина моя!

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаянии есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.

Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

6 апреля 1903

2.

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

8 апреля 1903

3.

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.

В безумных, напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.

10 апреля 1903

Чёртовы качели

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
    Вперед, назад,
    Вперед, назад.
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
    Вперед, назад,
    Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше...ах!

14 июня 1907

Собака седого короля

Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно,
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.

Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.

Один лишь паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я поганый
Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость:
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,
Он все ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.

Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.

Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.

Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлись,—
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя,—
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан,—
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

И вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

<24 февраля 1905>

* * *

Все было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванилися горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян.
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врывались в каждый дом.
Трава шептала сонно зеленые слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть куку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей.

И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я — большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.

24 марта 1907

Расточитель

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого Бога,
Как никто никогда не просил:
«Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожденней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!»

13 июня 1917

Княжино, под Костромой

Стихи Лидии Червинской

О Лидии Давыдовне Червинской (1907—1985) мы располагаем, к сожалению, довольно скудными сведениями. Известно, что в 1922 году она покинула Россию и до конца своих дней прожила в эмиграции. В 1934 году вышел первый сборник ее стихов «Приближения», высоко оценённый критикой. Известно также, что П. М. Бицилли назвал ее выдающимся поэтом. О сборнике «Приближения» Николай Оцуп писал в «Числах» (1934. № 10), что «это типичный продукт русского Монпарнаса. Полужизнь, полусуществование, полуллюбовь, полуотчаяние. Литература, литература, литература. Но сколько при этом покорной скромности, вялой и нежной верности, вдумчивой и вкрадчивой, полузадушенной правдивости (<...> Ее душа сгорает, и стихи ее об этом сгорании, без упрека, почти без горечи, потому что иначе она не умеет, не может, не хочет». Стихи Л. Червинской, по мнению Оцупа, по своей остроте и скупости, сдержанности, изяществу, чувству меры близки поэзии Иннокентия Анненского и Анны Ахматовой, в них «своя печаль, говорящая иногда за многих».

Владислав Ходасевич, отметив «несомненное дарование, изящный вкус» и «подкупающую правдивость» Л. Червинской, неодобрительно отнесся к общей поэтической тональности ее стихов. Книжка «Приближения», на взгляд Ходасевича, «повергает в уныние» своими меланхолическими темами и «той меланхолией, которой пропитана вся ее *литературная* ткань». В той же статье «Кризис поэзии» Ходасевич говорит о «глубокой растерянности», «даже усталости» еще сравнительно молодого автора «Приближений». В этом он видит «знамение тяжкого поэтического кризиса» (Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 595).

Всё, или почти всё, о чем писал Ходасевич в отношении Л. Червинской, верно, как справедливо и его замечание о том, что ее «бессилие» принадлежит не ей одной — «она лишь отважилась с наибольшею открытостью и своеобразным умением обнаружить то, что в разных степенях присуще огромному большинству ее поэтических сверстников, не столь откровенных или не столь чутких к собственному бессилию» (Там же). Действительно, скупые

и сдержанные строчки Л. Червинской были лишь частью поэтического многоголосья русского Монпарнаса, не криком, но вздохом молодого, оказавшегося в эмиграции, второго, «незамеченного» поколения. Это строчки о бедности, любви, Боге, искусстве, глубокой растерянности, отчаянии и усталости, усталости...

В статье «Похвала российской поэзии» Ю. Иваск писал: «В поэзии Лидии Червинской слышатся отголоски бесконечных разговоров русских мальчиков (и девочек) в монпарнасских кафе 30-х годов. Но, в противоположность молодым героям Достоевского, они, скорее, скептики, и не было у них заносчивых чаяний литературных „отцов“, живших в достоевско-петербургской атмосфере. В стихах Червинской они повторяют „может быть“, „почти“» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. № 162. С. 125).

В 1937 году в Париже Л. Червинская выпустила стихотворный сборник «Рассветы», затем, после долгого перерыва, в 1956 году еще один — «Двенадцать месяцев». Ей принадлежит эссе «Мы» (где, в частности, высказано такое наблюдение: «Сокровенная мысль, подхваченная (...) ритмической волной (стихи), — разрешение загадки одиночества»), напечатанное в «Числах» (1934. № 10), а также несколько рецензий: на книгу И. Болдырева «Мальчики и девочки», В. Таля «Клетчатое солнце», «Событие» В. Сирина, сборник стихов Анат. Штейгера «Неблагодарность» и др.

В мотивах поэзии Л. Червинской есть очарование литературы «Серебряного века», с которой ее связывала художественная традиция. Наряду с этим в ее стихах, темах и приемах прослеживается неприятие поэтических стереотипов, поиск «своих» образов, боязнь «громких» слов, слов с большой буквы (даже их графического изображения). Конкретность эпитетов, полнота образов, широкий поэтический контекст проявляются в ее обращении к классическим мотивам русской словесности:

Онегин, я тогда моложе,
И лучше, кажется...
    Едва ли —
Едва ли лучше до печали,
До — гордости, до — униженья,
До — нелюбви к своим слезам...
До — пониманья, до — прощенья,
До — верности, Онегин, Вам.

По словам Николая Оцуа, «грустный» и «доверчиво-страстный» монолог Лидии Червинской — «подарок для всех, кто не безразличен к поэзии». С этим нельзя не согласиться.

*Л. М. Грановская,
доктор филологических наук,
Баку*

Лидия Червинская

* * *

Как трудно пережить еще одну весну
С холодным солнцем и печальным счастьем,
С такой любовью и таким бесстрастьем...
В немертвом сердце слушать тишину.

И знать, что мир незыблем и непрочен,
И знать, что ты и светел и порочен.

Как трудно жить безлюбое храня...

Но с новым солнцем, изменяют силы
И голос чудится — неизъяснимо-милый,
Который мог бы погубить меня.

* * *

То, что около слёз. То, что около слов,
То, что между любовью и страхом конца.
То, что всеми — с таким равнодушьем гонимо,
И что прячется, в мутной правдивости снов,
Исчезает в знакомом овале лица,
И мелькает во взгляде — намеренно мимо.

Вот об этом... Конечно, нам много дано
Справедливо, что многое спросится с нас...
Что же делать, когда умирает оно
В предрассветный, мучительный, медленный час.

Что же делать, когда на усталой земле
Даже в счастья своем человек одинок,
И доверчиво-страстный его монолог
Растворяется в сонном и ровном тепле.

Памяти Б. Поплавского

Всё было: беспутство, безделье,
в лубочных огнях Монпарнас,
нелегкое наше веселье,
нетрезвое горе. Похмелье
и холод в предутренний час.

Тоскливо... в граненом стакане
вчерашние розы свежи...
Светает в пустом ресторане,
В те ночи, в редевшем дурмане
легенда творилась из лжи.

Пусть судят о ней поколенья,
Но в мир наш, где памяти нет,
доносятся отзвуки пенья
оттуда, где ждет воскресенья
в молчаньи погибший поэт.

В мае сомненья тихи.

Знаю — и это стихи.
Чувствую — это весна...
Верю — простятся грехи
Тем, кому жалость нужна.

Дождь светло-серый опять...

Трудно бывает сказать,
Стоит ли так говорить?
Знаю, что важно понять,
Думаю, — нужно любить.

Страшно сказать, навсегда...

Где-то проходят года,
Чей-то кончается век,
Тают светло, без следа,
Музыка, дождь, человек...

* * *

Только с Вами. Только шепотом,
В удивленной тишине,
Поделюсь неполным опытом,
Памятным, понятным мне...

Гордым опытом бездомности,
Стыдным опытом любви,
Восхищенною нескромностью
И смирением в крови,—

— Из светлеющей огромности
Лета в городе пустом,
Две дороги: в смерть и в дом.

Холодно. Тоска бездетная
Вновь протягивает руку
Под октябрьским, под дождем...
И цыганское, рассветное
Предвещает ту разлуку,
Для которой все живем.

* * *

Кто из нас не писал завещания
(несколько слов в назиданье другим),
Кто не обдумывал сцену прощания
С жизнью немилою, с ней — или с ним?

Все оказалось гораздо банальнее
— Не романтический выдался век —
Не отправляется в плаванье дальнее,
Не умирает легко человек.

Годы проходят, уносят войну;
Мы постарели, нам хочется жить,
Пусть безнадежно, но только любить...
Или уехать в другую страну
И изучить незнакомый язык...
Счастье, конечно, всегда впереди,
К переселению кто не привык?

Но отчего ж замирает в груди
Сердце?

Как будто бы ночью Пасхальной
В церкви холодный подул ветерок...
Дрогнул, и вспышкой вспыхнул прощальной
Тонкой свечи огонек.

* * *

Все осталось невозможным,
Вечно-памятным, печально-голубым...
В этой жизни — праведной и ложной,
Благодарно-горестным таким.

В недоступности своей несложной,
Сердце оставалось осторожным,
Сердце оставалось молодым...

Только слушало — в несмелом восхищеньи
Голос Ваш, надменный и родной —
Не любовь, а только тень от тени
Той, что называется земной...

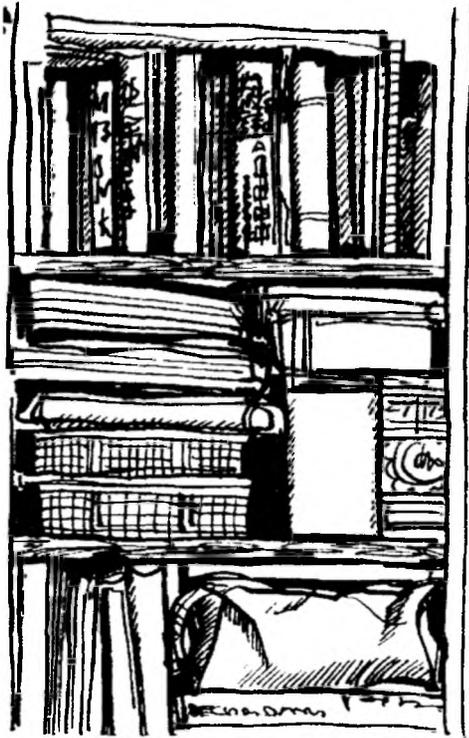
* * *

Это похоже почти на сознание,
Это похоже почти на признание
В том, что обидой взволнована кровь...

Может быть, это измена случайная,
Может быть, радость, мучительно-тайная.
Может быть, это любовь.

Знаю — не зная, люблю — не любя,
Помню — не помня тебя —
Солнце холодное, счастье во сне
Белое небо в высоком окне...

Может быть, то, что сегодня — рождение
Нового горя во мне.
Может быть, только опять отражение
Этой последней, скучающей ясности,
Этой надменно-покорной безгласности
Верности Вам в тишине.

Грамматика

Возвратные и невозвратные глаголы

*Г. А. БРУСЕНСКАЯ,
кандидат филологических наук*

Представим себе, что в большом городе разрисованы заборы, щиты и даже стены домов. И обязательно найдется человек, который охотно объяснит прохожим: «Студенты художественного факультета выполняют свои дипломные работы под открытым небом». А в каком-нибудь официальном отчете эта же информация прозвучит следующим образом: «Дипломные работы выполняются

студентами художественного факультета под открытым небом». Есть ли разница между этими предложениями? И да и нет. Да, — потому, что предложения стилистически неоднородны: первое носит разговорный, а второе — официально-деловой характер. Нет, — потому, что в них речь идет об одном и том же: сообщается, что творческий процесс происходит прямо под открытым небом. Смысловое тождество этих предложений обусловлено тем, что глагол *выполняться* представляет собой лишь производную форму от глагола *выполнять*. Разница между предложениями имеется, но она носит грамматикализованный, формальный характер.

Сопоставим еще два предложения: «На Масленицу блинами да пирогами *встречают* солнце и весну» и «По календарю русской природы в середине февраля отмечается Сретенье. Это значит зима с летом *встречается*». А вот в этих примерах речь идет уже о различных явлениях действительности, и глаголы представляют собой самостоятельные лексические единицы: *встречать* — возвратный глагол, образованный от переходного *встречать* (кого-что).

Возвратные глаголы образуют особую группу. Их роднит между собой то, что все они имеют постфикс *-ся*. Возвратные глаголы часто имеют созвучные окончания и поэтому легко рифмуются. С детства нам хорошо знакомы строчки из сказок А. С. Пушкина:

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.

Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится...

Заслуживает внимания следующий факт из истории русского литературного языка: возвратные и невозвратные глаголы не всегда различались, как отдельные слова, что нашло свое отражение в толковых словарях. Например, в Словаре Академии Российской (1789—1794), а также в Словаре В. И. Даля (1863—1866) они помещаются в одном словарном гнезде. Однако уже в конце XIX века лексикографы начинают размежевывать эти глаголы и помещать их в разные гнезда. В современных толковых словарях возвратные и невозвратные глаголы представлены в самостоятельных словарных статьях.

На первый взгляд кажется, что все возвратные глаголы как бы «на одно лицо». На самом деле это не так. В некоторых случаях возвратные и невозвратные глаголы утратили между собой смысловую соотнесенность и полностью разошлись по своим значениям. Сравним *нести* «перемещать что-либо» и *нести* «стремительно продвигаться, мчаться»:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Лермонтов

Сопоставим также: *заступить на вахту и заступиться за обиженного, притворить дверь и притвориться больным, принять дела и приняться за работу* и т. д.

О том, что возвратные глаголы неоднотипны по своей структуре, свидетельствует и то обстоятельство, что многие из возвратных глаголов без постфикса не употребляются. Например, *догадаться, улыбаться, смеяться, бояться, надеяться, нравиться* и т. д. Сюда же относятся глаголы: *гордиться, лениться, стараться, сомневаться* и др.; глаголы со значением изменения положения в пространстве: *садиться, становиться* и др.; безличные глаголы: *смеркаться, нездоровиться* и др.

И все же в большинстве своем возвратные глаголы соотносятся по значению с соответствующими переходными, от которых они образованы. Постфикс *-ся* в этих случаях свободно выделяется, и это дает возможность убедиться в том, какую большую роль он играет в словообразовании. Возвратные непереходные глаголы, мотивированные невозвратными переходными, можно условно организовать в более или менее четкие лексико-грамматические разряды со следующими значениями:

1. Действие, выраженное возвратным глаголом, направлено на того, кто его совершает. Например, *одеваться, умываться, купаться, родиться*; сравните: *одевать, умывать, купать, родить* (кого). «Два братца пошли в воду купаться» (Загадка); «Не родись красив, а родись счастлив» (Пословица).

2. Действие, выраженное возвратным глаголом, обозначает внешние изменения в состоянии или положении предмета или лица: *открываться, возвращаться, останавливаться, начинаться, кончаться* и т. д.; сравните: *открывать, возвращать, останавливать* (кого-что); *начинать, кончать* (что). «Все хорошо, что хорошо кончается» (Пословица).

3. Действие совершается двумя или несколькими лицами и переходит взаимно с одного лица на другое: *советоваться, знакомиться, обниматься, встречаться* (с кем-либо); сравните: *советовать* (что кому); *знакомиться* (кого с кем); *встречать, обнимать* (кого). «О, я, как брат, Обняться с бурей был бы рад» (Лермонтов).

4. Действие совершается как бы в интересах субъекта: *лечиться, учиться, интересоваться*; сравните: *лечить, учить, интересоваться* (кого). «Учиться всегда пригодится».

5. Глагол обозначает свойство предмета или существа: нитки *рвутся*, крапива *жжется*, собака *кусаётся* и т. д.; сравните: *рвать*, *жечь*, *кусать* (кого-что). «Где тонко, там и рвется».

Итак, постфикс, присоединяясь к переходным глаголам, превращает их в непереходные с новым лексическим значением. Но вот что интересно, постфикс может присоединяться и к непереходным глаголам, например: *грозиться* от глагола *грозить*, *стучаться* от глагола *стучать* и др. Какова же роль постфикса в этих случаях? Обратившись к толковым словарям, мы обнаружим, что глаголы в таких случаях наследуют лишь основные значения исходного глагола, обогащая его дополнительными оттенками. Например, глагол *грозить* употребляется как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными: «Шалун уж заморозил пальчик;/Ему и больно и смешно,/А мать грозит ему в окно...»; «Циклон грозил наводнением». Однако же глагол *грозиться* приобретает ярко выраженный «одушевленный» оттенок: «...отец грозился меня выгнать и лишить наследства» (Пушкин).

Присоединяясь к глаголам *грозить*, *стучать*, *плакать*, *хватать* и др., постфикс дополняет их новым оттенком — указанием на большую интенсивность в осуществлении действия. Сравним глаголы *стучать* и *стучаться*: «Стучат в дверь, хозяйва не отпирают, боятся» (Вересаев); «Зима недаром злится,/Прошла ее пора — /Весна в окно стучится/И гонит со двора» (Тютчев); «Всяко случится, и богатый к бедному стучится» (Пословица).

Напротив, присоединяясь к глаголам со значением «видеться в каком-либо цвете», например, *белеть*, *краснеть*, *чернеть* и др., -ся привносит оттенок неопределенности, слабости проявления признака. Например: «Белеет парус одинокий/В тумане моря голубом...» (Лермонтов). Сравните: «Чей-то парус белелся вдали;/Кто-то правил чуть видный рулем» (Полонский).

Мы уже убедились, что влияние постфикса не ограничивается изменением параметра переходности — непереходности, он вполне может сосуществовать и с непереходными глаголами, причем не только сосуществовать, но и влиять на их лексико-грамматический облик, обращая личные глаголы в безличные. Возвратные безличные глаголы обозначают действия, не зависящие от воли лица, стихийные, как бы невольные и в то же время чрезвычайно интенсивные. Например, у М. Ю. Лермонтова читаем: «И верится и плачется». Такие глаголы носят разговорный характер, вытесняя в речи соответствующие глаголы без постфикса. Выражения *Как вам работается? Как отдыхается?* звучат более непринужденно и естественно, чем *Как вы работаете? Как отдыхаете?*

Недаром А. С. Пушкин, борясь с чопорной правильностью

русской речи («Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю»), смело вводит разговорные возвратно-безличные глаголы в речь своих героев. Например, Татьяна Ларина обращается к няне: «Не спится, няня, здесь так душно».

Анализируя тексты с возвратными глаголами такого типа, нетрудно заметить, что они часто употребляются с отрицанием: «Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло,/Только мне не плачется — на душе светло» (Есенин).

Возвратные безличные глаголы чрезвычайно продуктивны в современном русском языке. Благодаря постфиксу *-ся* возникают новые неожиданные слова, еще не зафиксированные в толковых словарях: «Чтобы вам не чихалось, чтобы вам не кашлялось...» (Шутка).

Рассмотренные примеры показывают, что возвратные глаголы весьма разнообразны по своим лексико-грамматическим особенностям. Но, даже присоединясь к одному и тому же глаголу, постфикс может проявлять различные значения и оттенки значений. В этих случаях важен контекст. Например, глагол *читаться* может выступать в значении качественного характера: «Книга читается легко» и в значении безлично-интенсивном: «Литвинов взялся за книгу, но ему не читалось» (Тургенев). Сравните: «Книга пользуется большим спросом, так как читается людьми разных возрастов», что по смыслу идентично предложению с переходным глаголом: «Книга пользуется большим спросом, так как ее читают люди разных возрастов» (см. об этом в начале статьи).

Как же возник в русском языке постфикс *-ся*? И почему он неоднозначен? Постфикс *-ся* образовался от безударной формы винительного падежа возвратного местоимения, существовавшего наряду с обычной формой «себя». Долгое время как в старославянском, так и в древнерусском языке постфикс употреблялся свободно по отношению к глаголу. Например, в Лаврентьевской летописи: «И како мокуть и то ми ся выня». В «Слове о полку Игореве» читаем о битве русских с половцами: «Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручати о шеломы половецкие, на реце Каяле, у Дону Великаго».

В литературных текстах XVII в. постфикс пишется уже слитно с глаголами. В живой речи этот процесс произошел значительно раньше. Об этом свидетельствуют памятники делового характера. Например, в Московской грамоте XIV в. читаем: «А поидуть на нас Татарове или на тебе битися намъ и тобе съ одного всемъ».

Постфикс *-ся* и по сей день отражает разные значения

древнего возвратного местоимения. Например, в возвратных глаголах типа *умываться, одеваться*, которые обозначают действия, как бы возвращающиеся на самого деятеля, отражается значение винительного падежа (древнее *-ся*). В то время как в возвратных глаголах, обозначающих действие, которое совершается или для себя, в своих интересах, или, наоборот, в ущерб себе, постфикс по своему значению ближе не к винительному падежу, а к дательному (древнее *-си*).

Влияние старого дательного падежа и сейчас можно обнаружить в тульских и рязанских диалектах. Например, вместо *учился, строился, лечился* говорят «*училиси*», «*строилиси*», «*лечилиси*». На это явление в диалектах обратил внимание К. Паустовский: «Я обстрекалси-и-и — вдруг густо заревел мальчик.— Эй, девчонки!— крикнул издали стариковский голос,— Вы чего малого забираете?— Да он, дед Пахом, сам обстрекалси!— крикнула в ответ поборница чистого произношения Клава».

Подводя итоги сказанному, можно заключить следующее: хотя постфикс *-ся* и не универсален, и ряд глаголов не присоединяет его, например, *следовать, мстить* и др., он выполняет важнейшую лексико-грамматическую и стилистическую роль в русском языке. При этом постфикс не только изменяет форму глагола, но и вносит в него дополнительные смысловые оттенки и стилистические нюансы. Недаром постфиксу, его словоизменительным и словообразовательным функциям уделяли внимание в своих трудах выдающиеся русские лингвисты: И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, С. П. Обнорский, А. А. Шахматов, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов.

Фразеологический каламбур в современной публицистике

*В. Н. ВАКУРОВ,
доктор филологических наук*

Фразеология — одно из самых ярких и действенных средств языка. Не случайно ее образно называют жемчужиной русской речи. Метафоричность, эмоциональность, оценочность, экспрессивность — все эти качества фразеологических единиц придают нашей речи образность и выразительность.

Излюбленным приемом у писателей и журналистов все больше становятся различные преобразования фразеологизмов. Возможность их трансформаций вытекает из сохранения у фразеологизмов внутренней формы (т. е. исходного буквального их смысла) и о т н о с и т е л ь н о й устойчивости. Преобразованиям могут быть подвергнуты как семантика, так и структура словосочетаний. Трансформация семантики фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой. А эта их особенность позволяет авторам «реставрировать» в той или иной степени стершийся образ и приспособить обобщенный, метафорический смысл того или иного выражения к конкретным условиям контекста.

В данной статье мы рассмотрим случаи творческого преобразования семантики фразеологизмов на материале современной публицистики.

При семантических преобразованиях одно и то же словосочетание воспринимается и как семантически целостное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически разложимое. В лингвистической литературе встречаются разные термины, называющие это явление: «синтез двух значений», «разложение фразеологизма», «модификация фразеологизма», «актуализация внутренней формы фразеологизма», «двуплановость устойчивого словосочетания» и др.

Мы считаем, что семантически преобразованные фразеологизмы — не что иное, как фразеологические каламбуры.

В поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» читаем:

Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

Здесь поэт употребил выражение *прорубить окно в Европу*, которое стало крылатым, фразеологическим. А вот интересный пример, в котором журналист преобразовал семантику этой фразы, создав фразеологический каламбур: «Петр Первый *рубил в Европу окно*, когда надо было учиться пользоваться европейской дверью. Вчера в Брюсселе президенту России показали ключ от заветной двери, который окончательно попадет к нам в руки года через полтора — два» (Куранты. 1993. 10 дек.) Обратите внимание: фразеологический каламбур поддерживается метафорическими сочетаниями *пользоваться европейской дверью* и *показали ключ от заветной двери*.

Этот же фразеологизм лег в основу каламбура, созданного журналистом «Комсомольской правды»: «Роттердам обрабатывает одновременно 700 судов..., а Ленинград всего двенадцать!! Позор! Город Петра *из окна в Европу превратился в кривую и грязную щелочку*» (1991. 6 мая). Еще пример: «Дойку *козлов отпущения*, г. е. нас с вами, будут осуществлять на основании Постановления правительства от 23.12.1993. „О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу РФ товаров“» (Моск. комс. 1994. 26 янв.).

Яркий прием создания фразеологического каламбура заключается в параллельном употреблении фразеологизма и свободного словосочетания, являющегося этимологическим прототипом данного выражения (многие исследователи такое словосочетание называют омонимом фразеологизма).

Рассмотрим такой пример: «Зам. председателя правления ... обратился со слезной просьбой в вышестоящую контору: дайте указание .., чтобы 4 вагона водки помогли молодой базе *стать на ноги* ... Но банк оснований для исключения не разыскал,

справедливо полагая, что с помощью водки *не становятся на ноги..*, а скорее, *валятся с ног*» (Известия. 1974. 28 февр.). Автор столкнул здесь два словосочетания — фразеологическое *стать на ноги* и свободное *не становятся на ноги* (свободное значение этого сочетания поддерживается его антонимом — *валятся с ног*).

Этот вид семантического преобразования фразеологизма называется полным совмещением, сущностью которого является реализация в данном контексте обоих значений словосочетания.

Журналист может привлечь для построения каламбура два фразеологизма, имеющих в своем составе одинаковое слово: «Президент вынужден был, как вы говорите, *положить себя на рельсы* ради выяснения воли народа ... К счастью, народ поднялся в городах России. И если продолжить ваше сравнение — *президент лег на рельсы*, — то Съезд народных депутатов благодаря такому поступку Бориса Николаевича *сошел с рельсов*» (Куранты. 1993. 30 марта).

Еще два аналогичных примера: «Надо хорошо подготовиться, оперативно создать забастовочный фонд... Иллюзий уже нет: по 608-му постановлению *водили-водили нас за нос и оставили с носом*» (Россия. 1991. 23—29 марта); «Но в нашем случае, видно, актрисе нужно побольше *пыли пустить в глаза*. А уж когда *пыль совсем столбом стоит*, то, по сути, ничего и не видно» (Начало. 1993. № 41).

Фразеологизм *плыть по течению* представляет собой метафоризацию свободного словосочетания того же состава. Иначе говоря, *плыть по течению* можно метафорически и буквально. Используя эту особенность словосочетания, журналист строит такой контекст, в котором объединяет в словосочетании *плыть по течению* метафорическое (фразеологическое) и буквальное, свободное значение. Такое словоупотребление и есть фразеологический каламбур: «Сегодня наше политическое и идеологическое руководство задавлено тактикой, почти непосильным грузом национальных, экономических, экологических проблем, при решении которых все чаще приходится *плыть по течению*. Куда нас вынесет? Мы волоком выбрались к истокам незнакомой реки и пустились в плавание ... Но куда впадает река? Не поджидает ли нас за ближайшим плесом Ниагара?» (Знамя. 1990. № 12).

Если журналист пишет о каком-нибудь предмете, он может создать каламбур, выбрав из массы фразеологизмов тот, в котором содержится слово, называющее описываемый предмет. Так, в следующем тексте журналист рассказывает о сборе клюквы. Вы, читатель, конечно, уже догадались (раз речь идет о клюкве), какой фразеологизм использовал журналист для создания каламбура. Вы оказались правы; вот этот текст: «Гарны хлопцы побачили

и решили собирать клюкву по американской технологии ... Результат — из пустого в порожнее. *Клюква* получилась *развесистая*: убытку сто тысяч» (Комс. правда. 1991. 2 нояб.). Еще пример: «Так что Священная Советская Социалистическая *приказывает*, кажется, *долго жить. Жить долго*, рядом, на радость друг другу, в добрососедстве и взаимовыгодном сотрудничестве» (Книжн. обозрение. 1991. № 1).

Рассматривая примеры преобразования фразеологизмов, связанного с каламбурным переосмыслением отдельных компонентов, следует сказать о том, что такое преобразование «основывается на возможности вычленить отдельный элемент фразеологизма в качестве самостоятельной семантической единицы, так как каждое слово, оставаясь компонентом фразеологического оборота, приобретает двойственную сущность: оно входит в состав структурно и семантически сложного целого как его интегральная часть, сохраняя в то же время потенциальные качества самостоятельной лексической единицы» (Шадрин Н. Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. Ч. 2. М., 1973. С. 185).

Семантическое преобразование фразеологизма возможно в том случае, если контекст содержит слово, тематически близкое слову-компоненту данного выражения. Например, слова *кузнец, молот, наковальня* — одного семантического поля. Введя в текст слово *кузнец*, журналист «заставляет» читателя воспринять словосочетание *между молотом и наковальней* и как устойчивое (фразеологическое), и как свободное: «Нам долго говорили, что мы сами *кузнецы своего счастья*, но как-то так выходило, что мы постоянно оказывались *между молотом и наковальней*» (Комс. правда. 1991. 10 янв.).

Еще примеры, в которых тематически близкие слова в результате ассоциации выявляют сразу два смысла словосочетания — фразеологическое и свободное: «— Что нового, коллега?— спрашивает один врач другого.— О, уникальный случай? *Соломенная вдова*, большая *сенной лихорадкой*» (Крокодил. 1990. № 8); «И если членам Союза художников СССР еще как-то удастся решить свои проблемы, то молодым еще не членам творческого союза, но уже талантливым — даже *на птичьих правах* не удастся влететь в окна ни одной мансарды» (Крокодил. 1989. № 11).

В следующем примере каламбур построен на введении в текст слова *балалайка*, тематически близкого компоненту *скрипка* в составе выражения *играть первую скрипку*: «Партградцы на этом основании решили, что Жидков будет лишь числиться, а фактически *первую скрипку* будет играть Маоцзедунька. Как она

будет играть, об этом никто не подумал, хотя она не умела играть даже последнюю *балалайку*» (Наш современник. 1993. № 4).

Редкий, оригинальный каламбур строится в результате столкновения слова-компонента фразеологизма с этим же словом, по форме представляющим собой имя собственное: «Товарищ Горновой, подражая товарищу *Непомнящему*, считает, что материалы архива представляют интерес только для архивариусов и крыс ... Нам весьма не по сердцу *Иваны*, не помнящие своего родства» (Рябов И. Очерки и фельетоны. М., 1958. С. 207).

Преобразование семантики фразеологизма осуществляется в контексте. Специально созданный автором контекст не только помогает читателю восстановить фразеологический образ, но и усиливает вместе с тем стершуюся метафоричность и эмоциональность.

Если для выявления смысла устойчивого словосочетания необходим один контекст, то для выявления двух смыслов — свободного и связанного (столкновение которых — основа фразеологического каламбура) — обязательны два контекста, каждый из которых актуализирует «свое» значение.

Эти два контекста конкретно реализуются с помощью двух рядов текстовых компонентов: один ряд позволяет читателю воспринять фразеологическое, а другой — буквальное, исходное значение словосочетания, например: «Пока к строительству новых и реконструкции старых станций *приложили свою руку* 8 коммерческих структур, *в руке* был миллиард рублей» (Моск. комс. 1993. 28 окт.). Здесь один контекстный ряд — *приложили свою руку* 8 коммерческих структур, который выявляет фразеологическое значение сочетания *приложить руку*, а другой контекстный ряд — *в руке был миллиард рублей*, который воссоздает буквальное, свободное значение словосочетания *приложить руку*.

Еще пример: «Вчера состоялось четвертое заседание „круглого стола“. За „круглым столом“ не было ни единого представителя президента Б. Ельцина. Вот и ищи тут согласия... Похоже, у официального „круглого стола“ появились острые углы» (Куранты. 1993. 7 апр.).

Анализируя роль контекста в преобразовании семантики фразеологизмов, необходимо подчеркнуть следующее: зависимость значения свободного словосочетания от контекста относительна, т. к. в любом контексте (кроме специально построенного в целях создания фразеологического каламбура) смысл такого сочетания ясен из значений слов, его составляющих, фразеологизм же реализует свое значение только в связи с другими словами

контекста. И в этом случае зависимость восприятия словосочетания от текстового окружения является абсолютной.

Фразеологизм рождается в контексте и в контексте же возрождается его буквальный смысл. Если общеязыковая семантика абстрактна, то речевая — конкретна. Эта конкретность речевой семантики фразеологизма обусловлена ситуацией, контекстом. Специфика соотношения фразеологизм — контекст заключается в том, что фразеологическая единица представляет собой, во-первых, особый самостоятельный контекст и, во-вторых, является частью контекста. «Поскольку контекст в широком понимании — это не что иное, как речевой поток, в котором конкретизируются языковые единицы, но контекстуальная специфика фразеологизма — это, в сущности, фразеологическая специфика взаимодействия язык — речь» (Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980. С. 171).

Общеязыковой фразеологический образ слит воедино. И это в определенной степени затемняет его. В случаях же контекстного преобразования семантики фразеологизма этот образ предстает перед нами ярким, полнокровным, так как при этом вычленяются обе составные части фразеологического образа: обобщенность, метафоричность и чувственная конкретность предметного представления.

Можно выделить два типа создания фразеологического образа путем семантических преобразований:

1. «В истоке образа — фразеологизм и к нему приводится свободное сочетание...

2. Создание образа идет другим, противоположным путем и первичным оказывается свободное словосочетание» (Ковалев В. П. Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов// Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. Новгород, 1971. С. 306—307).

В публицистике используются оба этих типа создания и, соответственно, восприятия фразеологического образа, построенного на основе преобразования семантики устойчивого словосочетания:

1. От фразеологизма к его прототипу (свободному словосочетанию), например: «Весной приятно поговорить о достижениях. Деревья, почки, мимозы ...— все это располагает. В такие дни не хочется кусать собратьев по перу и чернилам. Их хочется хвалить, прославлять, *подымать на щит* и в таком виде *носить по всему городу*» (Ильф И., Петров Е. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. М., 1961. С. 284).

В этом примере авторы сначала вводят в текст фразеологизм *подымать на щит*, а затем — свободное словосочетание *носить*

по всему городу, которое возрождает первичный, прямой смысл словосочетания *подымать на щит*.

Еще пример: «Все дальше в прошлое уходят от нас нелегкие годы Великой Отечественной. Немало в ее истории еще осталось *белых пятен*. Но белыми они кажутся только с первого взгляда: чаще всего при внимательном рассмотрении в них преобладает *красный цвет*, цвет человеческой крови...» (Огонек. 1988. № 15).

2. От свободного словосочетания к фразеологизму.

В русском языке существует фразеологизм *умывать руки* в значении «устраняться от ответственности». Это крылатое выражение восходит к евангельской легенде о Пилате, который умыл руки перед толпой, отдав ей Иисуса для казни (имеется в виду ритуальное умывание рук, что свидетельствует о непричастности к какому-либо событию).

В нижеприведенном тексте журналист употребил свободное словосочетание *чистые руки законодателя*, которое восстанавливает буквальный смысл выражения *умывать руки*. В результате это словосочетание воспринимается читателем каламбурно, т. е. и в прямом, буквальном, и в фразеологическом значениях: «Сдается, библейский сюжет о Понтии Пилате весьма вдохновляющим образом воздействовал на депутатов. Мы, дескать, пытались и делали, что могли. Но нас не услышали. Настаивать не смеем... Настойчивость в последнее время Верховный Совет демонстрирует лишь в том, чтобы называться „высшей властью“. Ну что ж, у законодателя, конечно, руки должны быть *чистые*. И, вероятно, поэтому депутаты пристрастились их то и дело *умывать*. Очень рельефно этот синдром проявился 28 марта, когда премьер-министр бросил войска на собравшуюся митинговать столицу» (Куранты. 1991. 16 апр.).

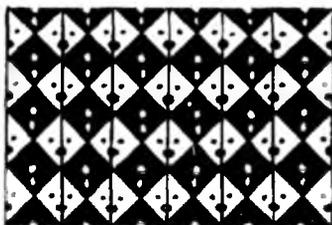
Еще примеры: «Говорят, Адам Козлевич купил свою знаменитую „Антилопу-Гну“ в придачу с *пальмой в зеленой кадке*. Но, как вы знаете, *пальму первенства* на дороге личный шофер Остапа Бендера не удержал» (Комс. правда. 1988. 29 марта); «В случае победы Жириновского на президентских выборах его торжественно введут в *Кремлевские палаты*. Его личная *палата* будет № 6» (Куранты. 1992. 20 февр.).

Нередко автор помогает читателю осознать фразеологический каламбур, подчеркивая, что словосочетание употреблено как в буквальном, так и в переносном, фигуральном смысле: «*Небо* над ним было *безоблачно-ясным*, но лишь в прямом смысле. Если же выразаться фигурально, то *тучи* над Светланой уже *сгустились*» (Крокодил. 1974. № 20); «Эля посадила его на ступеньки какого-то учреждения ... Голова оказалась зафиксирова-

на в одном положении. Игорь *клевал носом* в прямом и переносном смысле этого слова» (Огонек. 1990. № 10).

В литературе каламбур иногда называют «мишурой словесных острот», «пустым зубоскальством», «мелким острословием», «словесной побрякушкой» (См., напр.: В. Фролов. О советской комедии. М., 1954. С. 319, 324).

Такое утверждение бездоказательно, голословно. Общеизвестно, что художественная форма — элемент содержания. В этом смысле каламбур отражает какую-то существенную сторону изображаемого, его внутренние противоречия и неожиданные связи. Кроме того, этот речевой прием, обладая повышенной информативностью, вызывает активность восприятия мысли автора. Каламбурное преобразование фразеологизма — не просто словесная игра, а прежде всего действенное оружие в руках публициста. Такова содержательная, информативная сторона фразеологического каламбура. Если же характеризовать этот стилистический прием с чисто речевой точки зрения, то нельзя не согласиться с В. М. Мокиенко в том, что «актуальность противопоставления прямого и переносного планов во фразеологии служит одним из самых мощных источников экспрессивности» (Мокиенко В. М. Многозначность слова и этимология фразеологизма//Проблемы фразеологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Тула, 1980. С. 26).

Похожие слова. Как их употреблять?

Е. М. ЛАЗУТКИНА,
кандидат филологических наук

Владение языком предполагает умение свободно пользоваться речевыми образцами, примерами грамматического оформления мысли. Живая, неподготовленная речь ставит перед говорящим задачу выражения одного и того же смысла разными способами, в зависимости от ситуации. Основная трудность состоит в быстром выборе нужного слова, так как процессы мышления имеют другую природу, отличную от феномена языка: они мгновенны, биологичны по своей сути, а речь расчленена во времени. Поэтому, когда мы говорим, то обязаны заботиться о том, чтобы наши высказывания не представляли собой набор сигналов мысли, нуждающийся в расшифровке, а понимались бы слушателями однозначно.

Рассмотрим некоторые примеры неправильного «конструирования» высказывания. *Украина отклонила требование вывезти ядерное оружие за пределы страны, сохраняя при этом статус безъядерной державы.* Здесь говорящий хотел сложную речемыслительную структуру, соотносимую со сложноподчиненным предложением с придаточным уступительным, выразить простым предложением с деепричастным оборотом. Однако эти типы предложений не синонимичны. Ср. правильный вариант: *Несмотря на то, что Украина стремится сохранить статус безъядерной державы, она отклонила требование вывезти ядерное оружие.* Еще пример: *Семерка использует повод о долгах.* В этом предложении ключом к пониманию смысла является глагол *использует*, который обозначает действие семерки, которое негативно оценивается говорящим. Словосочетание *использует повод* бессмысленно, грамматически неправильно. Следовательно, здесь описывается не одна ситуация, а несколько: действие семерки, наличие повода

для каких-то ее действий. А поскольку словосочетание *повод о долгах* как фрагмент предложения не имеет значения, то слово *долги* является сигналом третьей ситуации — наличия долга. Возможно, данное высказывание синонимично следующему, правильно построенному предложению: *Наличие долга является поводом для определенных действий семерки.*

Слова-паронимы, имеющие один и тот же корень, но различающиеся таким компонентом значения, как «абстрактность»/«конкретность» или «исчисляемость»/«неисчисляемость», часто употребляются в одном и том же синтаксическом окружении, что затрудняет понимание фразы. Ср.: *начался отток фермерства.* Слово *фермерство* обозначает явление жизни, но не производителя действия («отток»); здесь нужно использовать слово *фермеров*: *начался отток фермеров.* Ср. также: *...чтобы не потерять управляемость обществом.* Управляемость — свойство общества, а не чье-либо действие; следует сказать: *чтобы не потерять управление обществом.* Ср. также: *наблюдается рост числа заболеваемости.* Слово *заболевание* обозначает явление, поддающееся счету, а у слова *заболеваемость* более отвлеченное значение, оно обозначает качественное состояние общества; предложение должно звучать так: *наблюдается рост числа заболеваний.*

Следующие примеры свидетельствуют о том, что говорящие иногда лишь приблизительно знают значение слов и затрудняются в выборе нужного слова из однокоренных, синонимичных, тематически близких слов. Ср.: *совладеть с ситуацией* вместо *овладеть* (или *владеть*) *ситуацией*; *программа не воспринимается народом* вместо *программа не принимается народом* (совсем другой смысл); *один из единственных районов* вместо *один-единственный район*; *они довольны от этих мероприятий.* Здесь прилагательное *довольны* употреблено вместо словосочетания *испытывать удовольствие от чего-либо.* *Надо исходить от этих решений.* Префикс *ис-* не синонимичен префиксу *от-*, следовательно, здесь необходим предлог *из.* *Я склонен к тому, что эти действия антирыночные.* *Быть склонным к чему-л.* — это значит «иметь какое-л. свойство характера», «иметь намерение, желание»; здесь следует употребить глагол *склоняюсь.* *Вы все время встречаетесь, вы каждый день имеете связи со своими избирателями* (здесь уместно использовать *связываетесь, поддерживаете связь*). *Ухудшается уровень жизни* — здесь смешиваются два негативных процесса *ухудшаться* и *понижаться*; надо: *ухудшается жизнь, понижается уровень жизни.*

Иногда происходит унификация синтаксических свойств близких по значению слов. Например, в разговорной речи часто

употребляются в переносном метафорическом значении слова *иммунитет* «невосприимчивость к какой-л. инфекции», *аллергия* «измененная повышенная чувствительность организма к какому-л. веществу», *идиосинкразия* «повышенная болезненная чувствительность к некоторым веществам», *чувствительность* с зависимыми словами в винительном падеже — *на что-л.* Однако сочетаемость этих слов неодинакова: *иммунитет к чему-л.* (например, *иммунитет к уколам жизни*), *аллергия на что-л.*, *идиосинкразия на что-л.* и *к чему-л.*, *чувствительность к чему-л.* (но не *на что-л.*). Эти слова принадлежат к сфере активной лексики, которая посредством ТВ, радио и газет регулярно воспроизводится, поэтому так важно правильно их употреблять в разговорной речи.

Иногда смешение синтаксических связей слов обуславливается тем, что эти слова обозначают действия или процессы, связанные так называемыми конвертными отношениями; например, *менять*, *занимать*, *одолжить*, *одеть*, *надеть*, *торговля*, *контрабанда*. Так, слова *торговля* и *контрабанда* принадлежат к одной теме, поэтому часто смешиваются их сочетаемостные свойства, например, *контрабанда наркотиками* вместо *контрабанда наркотиков*; ср. также слова *одолжить* и *занять*: *одолжить у кого-л. деньги* вместо *занять у кого-л. деньги* и *занять кому-л. деньги* вместо *одолжить кому-л. деньги*; о смешении слов *надеть* и *одеть* писали неоднократно, тем не менее это остается весьма распространенной ошибкой; следует говорить *одеть кого-л.* и *надеть что-л. на кого — что-л.*

Появление ненормативных словосочетаний может быть вызвано неправильным выбором слабоуправляемых падежных форм вследствие незнания их значения или неоправданной синонимизацией их. Каждый падеж или падежная форма с предлогом имеет свое собственное значение, тесно связанное с лексическим значением слов, — это следует иметь в виду при «учете» центробежных сил в организации словосочетаний. Важное значение имеет также закон аналогии, кроме того, частотность появления того или иного падежного оформления определяет такой фактор, как синтаксическая «активность» предлога.

Рассмотрим следующие примеры: *Мы стоим за трибуной*, следует: *на трибуне*, *за кафедрой*. *Подойдите на телефон*, *на микрофон* вместо *к телефону*, *к микрофону*. *Дать возможность для выступления* вместо *возможность выступить*.

Словоформы с предлогом *о*, заменяя другие падежные формы, превращают синтаксические конструкции в ненормативные образования. При этом, как правило, не учитывается значение главенствующего слова словосочетания; например: *ставится задача*

о сохранении прежних связей (вместо задача сохранения); прежние позиции о вступлении в эту коалицию (вместо позиции вступления); вера о том, что все смогут пользоваться услугами адвоката (вместо вера в то, что...); указать о недостатках (вместо указать на недостатки); внимание об очень глубоких настроениях общественности (вместо внимание к очень глубоким настроениям...).

Итак, складывание слов в правильную речь осуществляется по особым правилам, синтаксическое поведение слов зависит от целого ряда причин: от значения слова и его связей с синонимичными словами, близкими по значению словами одной тематической группы, от словообразовательного состава слова, значения падежной формы, от типа синтаксической конструкции, в которой это слово встречается наиболее часто, от степени употребительности слова. Кроме того, важным фактором соединения тех или иных слов является «синтаксическая активность» специально предназначенных языком средств связи — предлогов, падежных окончаний. Этот ансамбль закономерностей подчиняется действию универсальных языковых законов: закону языковой экономики и аналогии, которые, в свою очередь, обусловлены законами мышления и порождения речи.

Действие этих законов проявляется разными способами: это и появление новых словосочетаний-клише, и возникновение конструкций-«гибридов», и сжатие фраз большой линейной протяженности до компактных образований. Этот естественный процесс жизни языка, к сожалению, дает нам немало отрицательных примеров бессмысленного соединения слов, разрушений фразеологизмов, устойчивых речевых образцов, что затрудняет или делает невозможным общение. Таким образом, успех на любом поприще прямо связан со знанием правил грамматики.

Брокеры, дилеры и другие посредники *

С. В. ПОДЧАСОВА

Консигнатор

При перечислении современных названий посредников, помимо *брокера* и *дилера*, нами было упомянуто еще одно новое слово — *консигнатор*. Заимствованное из английского языка (где *consignee* — грузополучатель, адресат груза), наименование *консигнатор* получило в русских словарях четко определенное значение. Вот так, например, определен этот термин в Словаре-справочнике предпринимателя «Деловой мир» (С. 104—105): «*Консигнатор* — посредник, отличительная особенность его деятельности в том, что он имеет в наличии реализуемые товары, хотя их не покупает, и не является их владельцем. У консигнатора есть необходимые помещения и оборудование для принятия, обработки, складирования и продажи товаров...». Такое помещение получило название *консигнационный склад*. Приведем такое газетное объявление: «Производственно-торговое предприятие „Лада экспорт“ предлагает через собственную сеть *консигнационных складов* оригинальные зап. части» (Комс. правда. 1992. 7 янв.).

Далее, необходимо пояснить фразу «имеет... товары, хотя... не является их владельцем». Дело в том, что между консигнатором и владельцем товара заключается так называемый *договор консигнации*, по которому первый обязуется продавать товары со склада от своего имени, но за счет владельца товара, за определенный срок, получая за это вознаграждение.

Как видим, деятельность консигнатора определенными чертами напоминает брокерскую (не являясь владельцами товара, получают за продажу комиссионные); другими же чертами — дилерскую (продажа осуществляется от своего имени).

Согласно Энциклопедическому словарю бизнесмена, «консигнационная форма продажи используется при слабом освоении рынка или же при поставках новых товаров, малоизвестных новым покупателям» (С. 313). Добавим, что в наших условиях актуальность консигнационной деятельности связана также с дефицитом помещений, приспособленных для хранения товаров.

* Окончание. См. Русская речь. 1994. № 5

Отсюда — объявления такого рода: «Организация берет на консигнацию: бытовую технику, СВЧ-печи, утюги, телефоны» (Центр. 1994. № 7).

Нередко консигнационная деятельность существует как альтернативная, точнее вспомогательная, по отношению к прямой, непосредственной торговле крупных фирм. Например: «Оптовые партии товаров фирмы APOLLO поставляются на контрактной основе без посредников в минимальные сроки с предприятий Торгово-промышленного концерна APOLLO в Европе и Азии, а также с консигнационных складов в Москве» (Деловой мир. 1992. 12 марта).

Риэлтер

Продолжая анализ слов с родовым значением «посредник», необходимо также упомянуть неологизм *риэлтер*. В Америке *realtor* — агент по продаже недвижимости (Англо-Русский словарь по экономике и финансам. С. 406). Аналогичное толкование можно прочесть в выпуске «Московского комсомольца» от 3 июля 1992 г.: «Риэлтеры — предприниматели, занимающиеся операциями с недвижимостью».

Из следующего газетного отрывка видно, какое отношение имеют риэлтеры к посреднической деятельности: «Как ни странно, но, судя по опросу специалистов риэлтерских фирм, реакция бизнеса на указ (в заметке шла речь об изменениях в земельном законодательстве. — С. П.) оказалась довольно вялой... Одни фирмы... (чисто брокерские конторы, занимающиеся только перепродажей земельных участков) — ссылались на то, что подобный указ не затрагивает их вид деятельности» (Коммерсант. 1994. 1 февр.). Таким образом, *риэлтер* может выступать в роли *брокера*, но с четко определенным объектом сделок — «земельными участками».

Слово *риэлтер* еще недостаточно «усвоено» русским языком, довольно редко появляется в печати и сочетается с узким кругом слов. Основные словосочетания: *риэлтерская компания*, *риэлтерская фирма*, собственное наименование «Российская гильдия риэлтеров».

Добавим, что слово *риэлтер* не было обнаружено нами в словарях русского языка, включая экономические словарные издания.

Ресейлер (реселлер)

Переходя к следующему слову, имеющему отношение к изучаемой тематической группе, интересно отметить, что упоминания о нем нет ни в русских, ни в англо-американских словарях, хотя

по внешнему виду оно — явный «американизм». Вся информация, которой мы располагаем, содержится в трех газетных отрывках: «Требования к потенциальному партнеру-дилеру: ...наличие собственной сети *ресейлеров*» (Коммерсант. 1994. 1 февр.); «Чтобы стимулировать деятельность *реселлеров*, корпорация планирует выделить им некоторую сумму денег... Практически все *реселлеры*, отвечающие цензу минимального уровня продаж, смогут теперь получать финансовую помощь от компании» (Компьютер-уолд. 1994. 5 янв.); «Одновременно Microsoft тесно взаимодействует с другими фирмами — *реселлерами*, занимающимися усовершенствованием продукции» (Там же).

Исходя из этих примеров, можно предположить, что слово, недавно появившееся в речевой практике, имеет непосредственную связь, с одной стороны, с английским словом *resale* «перепродажа» — отсюда транслитерация в первом примере и, с другой стороны, с английским же словом *seller* «продавец», имеющим другую транскрипцию, — отсюда разные формы этого слова во втором и третьем примерах. Не имеющее пока устойчивой формы, оно обозначает, по-видимому, юридическое лицо, занимающееся перепродажей (существенный признак) и также «усовершенствованием» товаров, предназначенных для перепродажи (видимо, существенный признак) за комиссионное вознаграждение (существенный признак).

Эта далеко не полная информация о слове *ресейлер* (*реселлер*) все же позволяет включить его в синонимический ряд слов со значением «посредники», но не дает возможности дифференцировать его семантику, показать его отличие от слов *дилер*, *брокер*, *консигнатор*... Формальная и семантическая неопределенность слова *ресейлер* (*реселлер*) свидетельствует о том, что слово еще не освоено языком. Поскольку оно не является в полном смысле заимствованием — так как создано в нашем языке, хотя и из иноязычного материала — мы говорим не об «усвоении», а об освоении неологизма русским языком.

Дистрибьютор

Формальная неопределенность характерна и для следующего, гораздо активнее использующегося в речевой практике слова — *дистрибьютор*. Мы привели словарный вариант. В прессе же встречаются и *дистрибьютер*, и *дистрибутер*: «На выгодных условиях заключим договоры с *дистрибьюторами* для реализации наших программ» (Веч. Москва. Рекламное приложение. 1992. 1—7 апр.); «В организации и проведении лотереи участвует акционерное общество „Союзреклама“. Официальные *дистрибью-*

теры — коммерческие банки „Морбанк“ (Москва) и „Колабанк“ (Мурманск)» (Веч. Москва. 1992. 2 июля); «ММП „Континент“ — официальный *дистрибутор* по продаже ценных бумаг концерна „Гермес“» (Ежедневные новости агентства Post factum. 1992. 28 апр.).

Остановимся на причинах вариативности новообразования. Слово происходит от английского distributor. В первом газетном отрывке мы видим абсолютно точную транслитерацию с английского. Во втором случае произошла замена аффикса *-or* на *-er* — то есть на более популярный в данном синонимическом ряду суффикс. Сравните: *брокер, дилер, риэлтер, реселлер (ресейлер)*. Третий вариант написания ведет свое происхождение, по всей видимости, от существовавших и ранее в русском языке слов с тем же корнем: *дистрибутивность, дистрибутивный, дистрибуция*. Интересно отметить, что одно из этих слов — *дистрибуция*, — уже вошло в парадигматический ряд слова *дистрибьютор*, естественно, получив при этом новое значение: «Система *дистрибуции* может создаваться только при массовой продаже» (Компьютеруолд. 1994. 5 янв.).

Переходя от формальной характеристики заимствования к семантической, нужно сразу же подчеркнуть, что семантика слова *дистрибьютор* определена с помощью контекстно-функционального метода. Согласно приведенным выше примерам, неологизм обозначает посредника, главная функция которого — распространение чего-либо, в частности, ценных бумаг концерна «Гермес».

Что касается словарных фактов, то в данном случае мы можем опираться лишь на одно из значений слова в языке-источнике — «распространитель, распределитель чего-либо», а также на толкование, приведенное в энциклопедическом Вебстерском словаре (Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary. New York, 1989), где одно из значений слова distributor: «оптовый торговец, который обладает эксклюзивным правом на продажу товаров какой-либо фабрики или компании на определенной территории». Это единственное толкование, не противоречащее печатным текстам и указывающее дифференциальные признаки термина. Сравним его с данными русских словарей. В Энциклопедическом словаре бизнесмена сообщается: «*Дистрибьютор* — фирма, осуществляющая в основном импортные операции и выступающая как торговец по договору на основе соглашения о праве на продажу. Дистрибьютор приобретает и реализует товары от своего имени и за свой счет, и находится, как правило, в стране-импортере».

Однако приведенные нами газетные примеры свидетельствуют о том, что деятельность дистрибьюторов совсем необязательно

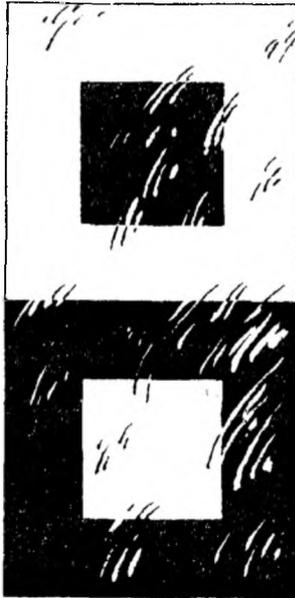
связана с импортными операциями. Словарь-справочник предпринимателя «Деловой мир» также не дает четкого представления о деятельности дистрибьюторов: «*Дистрибьютор* — фирма, осуществляющая сбыт на основе оптовых закупок у крупных промышленных фирм — производителей готовой продукции». Из этого толкования нельзя понять, в чем отличие дистрибьюторов от дилеров или реселлеров (ресейлеров).

Таким образом, развитие жизненных реалий приводит к корректировке фактов лексикографии. Следствием активных процессов, видоизменяющих окружающую нас действительность, явился и бурный поток иностранных слов в русский язык. И неизбежно встает вопрос об оправданности столь активного заимствования.

В нашем случае, когда речь идет об иноязычных словах, вошедших в финансово-промышленную терминосистему, уместно будет привести высказывание А. А. Реформатского, касающееся как раз терминов, слов, в идеале стремящихся к однозначному, четко определенному истолкованию: «Такие заимствованные термины... не смешиваются с обычными словами; они отдельные, однозначны, стоят вне экспрессии... Выбор языка-источника этих терминов обусловлен реальной исторической практикой...» (Введение в языковедение. М., 1967. С. 115).

Несомненно, что заимствованные термины гораздо легче дифференцируются в сознании носителей языка — все это мы могли проследить в ходе их семантического анализа. Мы видели, что произошло смысловое размежевание целей тематической группы слов. С другой стороны, как свидетельствуют газетные примеры, эти заимствования прошли или еще проходят в нашем языке сложный процесс адаптации, прежде чем стать полноправными русскими словами.

Лексикография

ИЗ МАТЕРИАЛОВ
К РУССКОМУ
ИДЕОГРАФИЧЕСКОМУ
СЛОВАРЮ

В. Д. ЛУКОВ

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля в словарной статье, описывающей значения междометия «ну», находим следующий фрагмент: «Ну мжд. <...> — Как окрик на лошадей: ну, пошел, ступай, или: не шалить! Тру, с-с, стой, этому с-с пртвплжн. понукательный свист и чмоканье. Волон погоняют: гей; правого или подручного соб, левого или бороздинного сабе, а останавливают чмоканьем, понудительным для коней».

Здесь сознательно изменен принцип составления словаря и слова расположены не в азбучном порядке, а по предметам,

точнее, по одному предмету — команды лошадям и волам. Некоторые из этих междометий ускользнули бы от читателя, если бы находились каждое на своем месте лишь по алфавиту. В алфавитно-гнездовом словаре появляется элемент идеографии.

Идеографический словарь — тип словаря, описывающего лексическую семантику, в котором слова расположены не по алфавиту, а сгруппированы по понятиям в соответствии с определенной понятийной классификацией. Именно в таком словаре все богатства словарного состава предстанут перед читателем, а не будут спрятаны в «упорядоченном хаосе» алфавита.

Словари, составленные по понятиям, создавались на протяжении тысячелетий не только в антично-европейской, но и в египетской, индийской, арабской и иных традициях. В новое время образцом такого словаря является вышедший в Англии около 150 лет назад «Тезаурус английских слов и выражений» П. М. Роже. Позже появились идеографические словари всех основных европейских языков.

Идея понятийного словаря обсуждалась в Российской Академии наук еще в 1821 году. Окончательно задачу создания словаря сформулировал В. И. Даль в третьем предисловии к своему словарю, однако и по сей день русского идеографического словаря не существует.

Одной из основных причин такого пробела в отечественной лексикографии являются трудности, связанные с работой в двух направлениях: создание понятийной системы и подведение под нее лексических единиц. Поэтому представляется правильным использование уже готовых понятийных систем. В качестве основы для классификации лексики в данной работе была выбрана понятийная система Халлига — Вартбург (Hallig R. und Wartburg W. won. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. 2 Auflage. Berlin, 1963). Эта система, разработанная немецкими лексикографами на французском материале, логически обоснованна, гибка и в достаточной степени универсальна. Вся картина мира, характерная для обыденного, «ненаучного» сознания носителя языка, поделена на три основных раздела: А — Вселенная, В — Человек и С — Человек и Вселенная (абстрактные категории). Далее каждый раздел членится на более частные рубрики. Например, Вселенная: Небо и небесные тела; Земля; Растения; Животные. Рубрики делятся на подрубрики (Человек: душа и интеллект: восприятие; сознание; память; воображение; мышление; чувства и т. д.). Подрубрики в свою очередь могут члениться. Таким образом, общее количество заголовков в системе теоретически может достигать нескольких тысяч. Гибкость системы позволяет опускать факультативные для описываемого языка

разделы и вводить новые. Поиск места в системе для каждого слова осуществляется логическим путем и после приобретения некоторых навыков работы не составляет большого труда.

Базой для создания русского идеографического словаря может служить один из существующих толковых словарей. Исходя из этого, по понятийной системе были полностью расписаны значения слов на букву *К* Словаря русского языка в 4-х тт. (Изд. 2. М., 1984). При отборе материала исключались служебные и вводные слова, словообразовательные дериваты, устаревшие и областные слова, узкоспециальная лексика. В результате работы был получен фрагмент идеографического словаря объемом около 3 тысяч слов. Структура словарной статьи такова: 1) цифровой индекс по понятийной системе; 2) заголовочное слово; 3) грамматические пометы в необходимых случаях; 4) стилистические пометы; 5) краткое толкование в необходимых случаях; 6) язык-источник для слов иноязычного происхождения. Следует заметить, что цифровых индексов может быть несколько, если слово относится к нескольким понятийным разделам. В конце словаря должен быть помещен алфавитный указатель слов с индексами разделов.

Прежде чем мы обратимся к примерам, следует предупредить читателя, что заполнение системы лишь частью лексического состава (буква *К*) дает во многом фрагментарную картину. Поэтому требуется некоторая доля воображения, чтобы составить представление о будущем полном идеографическом словаре.

Русская лексика практически без остатка распределяется по рубрикам. Создание идеографического словаря на основе системы Халлига — Вартбурга возможно, и дело теперь за количественным накоплением материала.

Первым из разделов фрагмента словаря, которые уже на этом этапе представляют определенный интерес, является раздел «Птицы». Обращает на себя внимание традиционная для лексикографии «наивная», а не научная (биологическая) классификация, благодаря которой словарь выглядит логически стройным и поиск нужного слова не составляет труда. Особо следует отметить раздел 200400 Крики птиц.

[010000 вселенная 190000 животные]

200000 птицы

200100 птицы — общее

200100 КЛЮВ

200100 КРЫЛО

200100 191000 КОГОТЬ

200100 191000 КУРГУЗЫЙ Разг.

200300 поведение птиц

200300 КЛЕВАТЬ (есть)

200300 КЛЕВАТЬ (ударять)

200300 КОГТИТЬ

200300 КОСЯК (клин)

- 200400 крики птиц
 200400 КЛИКАТЬ (о нек. диких птицах: журавлях, лебедях и др.)
 200400 КУРЛЫКАТЬ (о журавлях)
 00400 КАРКАТЬ (о вороне и нек. др. птицах)
 200400 КУКОВАТЬ (о кукушке)
 200400 КЛЕКОТАТЬ (о нек. хищных птицах)
 200400 КЛЕКТАТЬ-КЛЕКОТАТЬ
 200400 КЛОХТАТЬ (о курицах и самках нек. др. птиц в период высидывания яиц и выращивания потомства)
 200400 КВОХТАТЬ-КЛОХТАТЬ
 200400 КУДАХТАТЬ (о курице)
 200400 КУКАРЕКАТЬ (о петухе)
 200400 КРЯКАТЬ (об утке)
 200500 размножение птиц
 00500 КЛАДКА
 201000 лесные и полевые птицы
 01000 КОРОСТЕЛЬ
 201000 КУЛИК
 203000 КРОНШНЕП Нем.
 201000 КУКУШКА
 201000 КОЗОДОЙ
 201000 КАМЫШЕВКА и КАМЫШОВКА
 201000 КЕДРОВКА
 01000 КЛЕСТ
 201000 КОНОПЛЯНКА
 201000 КРАПИВНИК
 201000 КОРОЛЕК
 201000 КАСАТКА (нар. название ласточки)
 203000 КУРОПАТКА
 203000 КОСАЧ (тетерев-самец)
- 202000 хищные птицы
 202000 КОРШУН
 202000 КАНЮК-САРЫЧ
 202000 КРЕЧЕТ
 202000 КОБЧИК
- 204000 водоплавающие птицы и живущие у воды
 204000 КРОХАЛЬ
 204000 КРЯКВА
 204000 КЛУША (вид чаек)
 204000 КРАЧКА
 205000 домашние птицы
 205000 668000 КУРИЦА
 206000 тропические птицы
 206000 КАЗУАР (Австралия, Н. Гвинея) Нем.
 206000 КОНДОР (Ю. Америка) Исп.
 206000 КАКАДУ (о-ва Индийского океана) Нем.
- 206000 КОЛИБРИ (Америка) Исп.
- 206000 КАНАРЕЙКА (Мадейра, Азорские и Канарские о-ва) Франц.

206000 КЕНАР Прост.	207000 арктические птицы
206000 КАРДИНАЛ (С. и Ц. Америка) Лат.	207000 КАЗАРКА (лесотун- дра и тундра)
	207000 КАЙРА (Север)

В разделе «Зрение» наметилось сразу несколько интересных лексико-тематических групп, более полное накопление которых в будущем даст представление о всех возможных наименованиях цвета глаз, об эпитетах к слову «взгляд» и номинациях, передающих в русском языке понятие «смотреть».

[240000 человек	268700 смотреть
240500 человек как физическое существо	268700 КОСИТЬ (2) (прятать взгляд)
267000 чувственное восприятие]	268700 КОСИТЬСЯ (смот- реть украдкой)
268000 зрение	268800 дефекты зрения
268300 цвет глаз	268800 300400 КОСОГЛА- ЗИЕ
268300 КАРИЙ Тюрк.	268800 КОСОГЛАЗЫЙ
268300 КАРЕГЛАЗЫЙ	268800 КОСОЙ
268600 взгляд	268800 КОСИНА Прост.
268600 630100 КРАСНОРЕ- ЧИВЫЙ перен. (о взгляде, же- стах и т. п.)	268800 КРИВОЙ Разг.
268600 КОЛЮЧИЙ перен. (о взгляде)	268800 КРИВОГЛАЗЫЙ Разг.

Раздел «Чувства (человека) по отношению к себе». Лексика достаточно равномерно заполняет все подразделы.

[240000 человек	484000 гордость, спесь
400000 человек как психический тип. Душа и интеллект.	484000 КИЧИТЬСЯ
470000 чувства]	484000 КИЧЛИВЫЙ
480000 чувства по отношению к себе	484000 КОЗЫРЯТЬ (1) перен. 484000 КУРАЖИТЬСЯ
480010 тщеславие	Прост. (вести себя заносчиво)
481000 достоинство	485000 скромность, нескромность
481000 КРАСИВЫЙ (достойный, о поступке)	485000 КРОТКИЙ
482000 уверенность в себе	485000 КРАСОВАТЬСЯ (рисоваться)
482000 КУРАЖ Прост. (задор, смелость) Франц.	484000 КОКЕТНИЧАТЬ (рисоваться)
483000 храбрость	486000 стыдливость
	486000 КРАСНЕТЬ перен. (стыдиться)
	486000 КОНФУЗ
	486000 КОНФУЗИТЬ
	486000 КОНФУЗИТЬСЯ

Раздел «Эстетические чувства». Краткие толкования необходимы здесь для уточнения оттенков значений синонимов и полисемичных слов.

[240000 человек	530000 КОЛДОВСКОЙ
400000 человек как психический	перен. (очаровывающий, за-
тип, душа и интеллект	вораживающий, таинствен-
470000 чувства]	ный)
530000 эстетические чувства	530000 КОКЕТЛИВЫЙ (име-
530000 КРАСОТА	ющий нарядный, привлека-
530000 КРАСИВЫЙ (приятный	тельный вид)
на вид)	530000 КРАСОТЫ (красивые
530000 КРАСИВОСТЬ (внешняя	места)
красота)	530000 КРАСОТА (красивая
530000 КРАСАВЕЦ (о ком —	внешность)
чем.-л. очень красивом)	530000 КРАСАВИЦА
530000 КРАСАВИЦА (о ком —	530000 КОРОЛЕВА Разг. (о
чем.-л. очень красивом)	женщине, выделяющейся
530000 КАРТИНА Прост. (о ком	своей красотой)
— чем-либо, вызывающем	530000 КРАСОТКА Разг.
восхищение)	530000 КУКОЛКА Разг.
530000 КАРТИННЫЙ перен.	530000 КРАЛЯ Прост.
(производящий впечатление	530000 КРАСАВЕЦ
своей внешней красотой,	(красивый мужчина)
красивостью)	530000 КОЗЫРЬ перен. Разг.
	(красивый, видный, статный
	человек)
	*530000 КРАСОВАТЬСЯ
	530000 КРАСИТЬ

Раздел «Моральные устои, характер». Обилие лексики, обозначающей отрицательные качества человека, объясняется общезыковой закономерностью: все положительное в межличностных отношениях представляется в языковом сознании как норма и не нуждается в детальной семантической разработке; и наоборот, все отрицательное как нарушение нормы, подробно описывается синонимическими средствами языка.

[240000 человек	610000 мораль]
400000 человек как психический	612000 моральные устои, ха-
тип, душа и интеллект	ракти
	612300 качество

- 612600 хороший, плохой
- 612600 КОЛЮЧИЙ перен.
(язвительный, насмешливый,
злой)
- 612600 КАВЕРЗА Разг.
- 612600 КАВЕРЗНЫЙ Разг.
- 612600 КАВЕРЗИТЬ Разг.
- 612600 КАВЕРЗНИЧАТЬ Разг.
- 612600 КАВЕРЗНИК Разг.
- 612600 КАНАЛЯ Бран. итал.
- 612600 КРОВОЖАДНЫЙ
- 612600 КРОВОПИЙЦА
- 612600 КРОВОПИВЕЦ Прост.
- 612600 КРОВОСОС Прост.
- 612600 КАННИБАЛ перен.
Книжн. (жестокий) Франц.
- 612600 КАННИБАЛИЗМ перен.
Книжн. Франц.
- 612600 КАННИБАЛЬСТВО
Книжн.
- 612600 КЛЯУЗА Пренебр. Лат.
- 612600 КЛЯУЗНИК Разг. пре-
небр.
- 612600 КЛЯУЗНИЧАТЬ Разг.
пренебр.
- 612600 КАПАТЬ Разг. неодобр.
(ябедничать)
- 612900 честный, мошенник
- 612900 КРИСТАЛЬНЫЙ
- 612900 КОНЪЮКТУРЩИК
Разг. презр.
- 612900 КОРЫСТЬ
- 612900 КОРЫСТНЫЙ
- 612900 КОРЫСТОЛЮБИВЫЙ
- 613200 справедливый, не-
справедливый
- 613500 искренний, лицемер-
ный
- 613500 КРАСИВЫЙ
(рассчитанный на эффект)
- 613500 КОМЕДИЯ Презр.
(лицемерное поведение)
Греч.
- 613500 КОМЕДИАНТ Презр.
(притворщик) Итал.
- 613800 КОРЧИТЬ кого? Разг.
(прикидываться кем-л.)
- 613800 правдивый, лживый
- 613800 КРИВДА Нар-поэт.
- 613800 КАЗУИСТ
- 613800 КАЗУИСТИКА.
Книжн. (ловкость в доказа-
тельстве сомнительных или
ложных положений) Лат.
- 613800 КРУТИТЬ Разг.
(избегать прямого ответа с
помощью каких-л. уловок)
- 613800 КОЛПАЧИТЬ Разг.
(дурачить)
- 614100 преданный, веролом-
ный
- 614100 КОВАРСТВО
- 614100 КОВАРНЫЙ
- 614100 КОЗНИ
- 614100 КАИН (о предателе,
убийце)
- 614400 умеренный, необуз-
данный
- 614700 благопристойный,
неприличный
- 614700 КРИКЛИВЫЙ
- 614700 КРИКУН Разг.
- 614700 КУРОЛЕСИТЬ
Прост.

614700 КОЛОБРОДИТЬ Прост.
 614700 КОЛОБРОДНИК Прост.
 615000 невинный, грешник

615300 кокетливый
 615500 ответственный, безответственный

615500 КРИКУН Разг. (человек, требовательный и резкий в своих речах, но никчемный в деле)

615800 клеветник
 615800 КЛЕВЕТА
 615800 КЛЕВЕТАТЬ
 615800 КЛЕВЕТНИК
 615800 КЛЕПАТЬ Прост. (наговаривать)
 616100 снисходительный, нетерпимый
 616100 КРУТОЙ
 616100 КАРАТЬ Высок.

Последний из рассматриваемых здесь разделов — «Письменный язык». Еще один довод в пользу идеографии: название надстрочного знака, который отличает на письме «й» от «и», скрыто от читателя в недрах алфавитного словаря, но без труда может быть найдено в соответствующем разделе идеографического.

[240000 человек
 620000 человек как член социума
 620200 общественная жизнь
 630000 язык]
 634000 письменный язык
 634000 841000 КРОПАТЬ перен. Разг. пренебр.
 634000 873000 КРЕСТ
 634000 КРЕСТИК
 634000 КРЮЧОК (росчерк, завиток на письме)
 634000 КАВЫКА прост. (замысловатый завиток при письме)
 634000 КАВЫКА (над. «й», введена АН в 1735 г.)
 634000 КАВЫЧКИ

634000 КОМПИЛИРОВАТЬ (писать, сочинять, заимствуя все данные из чужих работ)
 634000 КОМПИЛЯЦИЯ Лат.
 634000 КОМПИЛЯТОР
 634000 КАРАКУЛИ Тюрк.
 634000 КАЛЛИГРАФИЯ Греч.
 634000 КАЛЛИГРАФ
 634000 КОЛОНКА (ряд цифр, слов, расположенных по вертикали)
 634000 КИРИЛИЦА
 634000 КЛИНОПИСЬ
 634000 КАРАНДАШ
 634000 КОПИРКА Разг.
 634000 КЛЯКСА Нем.

По страницам
словаря И. Г. Спарвенфельда

*Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук*

Речь пойдет о самом большом славянском словаре XVII века, вместившем значительную часть русской книжной и разговорной лексики того времени. Его составитель, швед Иоганн Габриель Спарвенфельд (1655—1727), мало знаком, а может быть, и совсем не знаком русскому читателю. О Спарвенфельде на страницах нашего журнала рассказывала продолжатель его большого дела, современная шведская ученая Улла Биргегорд (*Славянский словарь Спарвенфельда. Русская речь. 1979. № 4*). Она так же, как и ее соотечественник Спарвенфельд, училась в Уппсале и интересуется русским языком, историей и культурой, в совершенстве владеет русской устной и письменной речью. Сначала ее учителем был Гуннар Гуннарсон, а затем Иозеф Трыпучко. Улла Биргегорд занималась историей Уппсальского университета и, в частности, дарами Спарвенфельда, сделанными библиотеке этого старейшего из европейских учебных заведений. Там она познакомилась с рукописью словаря. К сожалению, самому Спарвен-

фельду не удалось его издать. История создания этого словаря стала темой ее диссертации.

Из работ Уллы Биргегорд узнаем, что Спарвенфельд приехал в Россию в составе шведской дипломатической делегации в 1684 году и прожил в Москве до 1687 года. Во время пребывания в России ему удалось получить королевскую стипендию, что помогло остаться в стране для изучения русского языка (он говорил на 14 языках). Его учителем был белорус Стахий Годзяловский. Спарвенфельд не только изучал язык, но и составил русско-латинский словарь. Кроме того, по дороге в Москву и в течение первого года проживания в ней он вел очень интересный дневник, который сейчас готовится к изданию.

По возвращении в Швецию Спарвенфельд имел помощников для переписки, исправлений и уточнений по рукописи своего словаря. В это время началась Северная война, которую вел Петр I, и в Швеции оказалось много русских военнопленных (так же, как и в России — шведских). Спарвенфельд имел возможность выбрать для работы у себя нескольких из них. По его переписке с Г. В. Лейбницем (1646—1716) установлены их имена: русский посол в Швеции Андрей Яковлевич Хилков, его секретарь Алексей Ильич Манкеев и Шепелин. В рукописи установлены их почерки. А. И. Манкеев написал даже историю России под названием «Ядро российской истории» (закончил ее в 1715 году).

Спарвенфельд в XVII веке проделал огромный труд, создавая словарь, а Улла Биргегорд уже в наше время провела поистине грандиозную работу, чтобы подготовить его к изданию и приложила массу усилий, чтобы осуществить это. Словарь вышел в 4-х томах под названием «Lexicon Slavonicum». Ему предпослана книга Уллы Биргегорд на английском языке, повествующая об истории создания словаря, о его авторе, о самой рукописи (Уппсала, 1985). I том (АИ) вышел в 1987, II (КО) — в 1988, III (ПР) — в 1989, IV (СИ) — 1990. Завершает издание «Index» (1992).

Словарь имеет две колонки. В левой в порядке русского алфавита расположены преимущественно русские, а также украинские, белорусские и польские слова (написанные кириллицей), иногда — гнезда слов, иногда — выражение, в котором употребляется данное слово. Каждое слово имеет ударение, поставленное составителем или переписчиком в XVII веке. В правой колонке дан перевод, эквивалент или коррелят по-латыни, в трудных случаях дано объяснение на шведском. В каждом томе слова и выражения имеют свою нумерацию, внесенную издателем для удобства пользования и ссылок. Варианты написания и некоторые комментарии даны постранично в сносках.

Поскольку словарь труднодоступен в России (один экземпляр

находится в Отделе рукописей Государственного исторического музея Москвы) предложим читателю несколько словарных статей, различных по характеру и объему, без латинского перевода. 1236 *Снедь: брашно, пища, яства, зобъ, паства, пажить*. Слово *снедь* объяснено через синонимы. Первые три из них не нуждаются в пояснениях; *зобъ* в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», вып. 6 (далее: СлРЯ) имеет одно из значений «еда, корм»; *паства* только во мн. ч. *паствы* «восходит к лат. *vota* для обозначения праздничных пиров и обрядов в первых числах января» (СлРЯ, вып. 14). Видимо, это и заставило дать слово *паства* в качестве синонима; слово *пажить* имеет в отечественном словаре значение «луг, пастбище» и только, но известен глагол *пажиствовати* «поедать что-л., питаться чем-л.» (СлРЯ, вып. 14). Это значение глагола сближает со значением *пажить* в словаре Спарвенфельда, ср. также этимологию Фасмера «Из па и жить». Можно задать вопрос, был ли заложен составителем смысл в последовательность подачи синонимов. Видимо, был, потому что первые из них — хорошо известные, распространенные слова, которые даже и сейчас не требуют пояснений, а далее идут слова, имеющие к *снеди* отдаленное, второстепенное отношение, вплоть до *пажить*, принадлежность которого к данному ряду приходится доказывать. Это свидетельствует о тонкости знания русского языка составителем словаря и его помощниками.

Следующие статьи: 1237 *Снедь заутреня: завтроканье* (утренняя еда-завтрак). 1238 *Снедь медоточная*. 1239 *Снедается: брашнуется*. Далее под восемью номерами идут слова и словосочетания с основой *снед-*. Любопытное словосочетание приведено под номером 2745 *В'пень воз'растаю: д'ревянюю*. 3087 *В'ремя: часъ, порá*. 3088 *В'ремя отданія пеньязей* (т. е. денег) *в'займ данныхъ*. 2743 *В'падаю: в'дираюся, устремляюся*.

Есть статьи, включающие слова, отсутствующие в СлРЯ, например: 1113 *Боговошеб'ник: пророчествующий*. 1114 *Боговошеб'ница: пророческая жена*. 1115 *Боговошебство: пророчество*. 1116 *Боговошебствую: пророчествую*.

В некоторых случаях значение слова, данное у Спарвенфельда, иное, чем известно нам: 3640 *Гор'ница нагорé сострбенный домъ*. В то время как в СлРЯ (вып. 4) это слово имеет два следующих значения: 1. «Возвышение» и 2. «Верхняя часть строения, жилое помещение в верхней части строения». Какой же из словарей прав? Думается, что оба: в текстах, послуживших для определения значений в СлРЯ, не встретилось толкования, отмеченного Спарвенфельдом. Или вот еще: 3436

Глѣдъ: воздержаніе от пици, пость. В СлРЯ (вып. 4) слово определено как 1. «Жадность» 2. «Голод».

Интересны словосочетания, поданные как отдельные словарные статьи: 3041 *В'рачѣбное художество*, имеющее только лат. перевод: *Arts medica, medicina* 2364 *Вол'чая нѣмощъ*, имеющее объяснение по-латыни «меланхолия». 1456 *Полная рѣжа* (без объяснения). 2383 *Вонь: над'воръ, прѣчь, дѣлой* (так предельно просторечными синонимами пояснено это наречие). Глаголы, как правило, даны в 1-ом лице ед. ч., иногда в инфинитиве: 2718 *Преливѣти: изливѣти*, но тут же дана и форма 1-го лица в составе выражения 2720 *Преливѣю отсосуда в'сосудъ*. Иногда встречается и форма повелительного наклонения 2715 *Внйди войди*.

Вообще, следует заметить, что объясняющий слово синоним или группа синонимов, как правило, имеют скорее разговорный, чем книжный характер, или более просторечный, чем определяемое слово.

В библиотеке Уппсальского университета в рукописи Слав 41 на последних ее листах рукой Спарвенфельда написан глоссарий, имеющий заглавие «Дополнение русских повседневных слов» (в переводе с латыни). «До нас, — пишет Улла Биргегорд, — дошли сведения о том, что Спарвенфельд, в отличие от многих ученых своего времени, высоко ценил также знания разговорной речи изучаемого языка» (Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века. *Russian Lyngvistics*. 1975. 2. С. 193). Вероятно, этот глоссарий Спарвенфельд составил для собственного употребления, пишет тот же автор.

Здесь нужно пояснить, что такое глоссарий. Словарь иностранных слов (М., 1981) определяет глоссарий как «(лат. *glossarium* словарь глосс) — толковый словарь устарелых и малоупотребительных слов к какому-либо тексту, преимуществ. древнему». Это определение не соответствует глоссарию Спарвенфельда. Последний может быть определен как «небольшой, двуязычный толковый словарь бытовой лексики разговорного русского языка», что согласуется и с названием, данным ему автором (см. ранее). Этот глоссарий занимает в рукописи 18 листов. Он издан также Уллой Биргегорд в указанном ранее журнале, который не всегда у русского читателя находится под рукой.

Поскольку мы не часто встречаемся с разговорной лексикой трехсотлетней давности, можно предположить, что она интересна современному носителю и исследователю русского языка. В глоссарии русские слова и выражения переводятся на шведский, французский, латинский или немецкий языки. Кроме отдельных слов и выражений здесь собраны группы слов по семантическому

принципу. Они свидетельствуют об определенном интересе Спарвенфельда к русской культуре. Он, видимо, расспрашивал московских информантов и записывал слова по выбранному им фрагменту культуры. Интересен сам подбор этих фрагментов: виды грибов; обработка собранного хлеба; деревья и кустарники; звуки, крики различных животных и птиц; оружие; охота; поющие птицы; ловчие птицы; имена московских рыб (очевидно, тех, что продавались и употреблялись в пищу); термины родства; названия беременных животных; сабля и ее детали; глаголы, связанные с появлением потомства у животных; конская сбруя; лук, колчан и стрелы; престол в церкви и трапезная; масти лошадей и их побегки (приведено в порядке следования в глоссарии).

Познакомим читателя с несколькими из этих семантических полей, опуская перевод, сохраняя написание Спарвенфельда и давая в скобках свои пояснения: 23 *гумно*; *токъ*; *цепь*; *молотит*; *цепом молотит мужик*; *винъ* (вместо *овин*); *сарай* и *закутки*; *полавня* (*половня* «сарай для полowy, мякины, иногда сарай для хранения снопов» СлРЯ, вып. 16); *молотьба*; *скирдъ* (у Даля: *скирда*, *скирд* «долгая и большая кладь сена или хлеба»); *адонья* (*одонье* «круглая, с заостренной вершиной кладь из снопов немолоченного хлеба» СлРЯ, вып. 12. У Даля видим формы *одонья* и *одонья*). По этой теме собрано 12 слов. Их ценность заключается в том, что они взяты из живой русской речи и отражают особенности московского произношения XVII века, а также восприятие на слух и соответствующее написание Спарвенфельда. Сказанное относится ко всем семантическим полям и отдельным словам глоссария. Все слова приведенного ранее семантического поля по происхождению своему диалектны, большая часть из них в настоящее время входит в литературный язык (не вошли *одонья*, *половня*, *скирд*). Что касается XVII века, то трудно сказать, к какому слою лексики принадлежали эти слова, кроме того, что о них уже было сказано. Не следует забывать, что Москва того времени во многом жила не только городской, но и сельской жизнью, имея сады, огороды, поля и пастбища. Соответственно жители ее владели активно этой лексикой. Ни одно из этих слов глоссария не вошло в корпус основного славяно-латинского словаря.

Другое семантическое поле включает названия деревьев и кустарников средней полосы России, за некоторым исключением. Оно начато Спарвенфельдом с родового понятия *древо*: *олхо*, *сосно* (вероятно, *олхо* имело ударение на первой гласной; это старые диалектные формы, но не московского говора); написание *асина* отражает московское аканье; *бероза* (*о* вместо *ѐ*), *буково древо* (единственное название со словом *древо*, кроме того

бук — дерево южной полосы, что дает основание полагать, что речь идет о древесине бука, из которой делалась мебель); *ребина* (передает реальное произношение с еканьем в московском говоре); *эль*; *клион* (дифтонг *ио* — диалектная черта московского говора того времени); *йва*; *тавалга* (*таволга* — растение *Spigaea*, во втором слоге передано московское аканье); *вятла* (написание *я* вместо *е* говорит о затруднениях Спарвенфельда в графике, он не знал, какую букву следует написать); *зимохосно* (Улла Биргегорд в своем комментарии к глоссарию поясняет это слово как «жимолость»; Фасмер приводит различные диалектные варианты этого названия и сообщает мнение Преображенского о возникновении его из *зимолисть, так как это растение сохраняет зимой листья, однако трудно понять, какое же слово слышал Спарвенфельд); *дубь* (вместо *дубь*); *осокор* (Даль: *осокорь* «дерево тополь»); *крусма* (пояснено издателем как крушина на основании перевода, сделанного Спарвенфельдом на шведский).

Предлагаем вниманию читателя еще одно семантическое поле *конская сбруя*. Оно, в частности, интересно тем, что среди русских терминов есть и несколько тюркских, что возможно свидетельствует о заимствовании у тюркских народов не только слов, но и самих предметов. 208 *седло*, через двоеточие идут термины, имеющие непосредственное отношение к седлу. Некоторые из них требуют пояснений, так как в настоящее время неупотребительны. Например, *подушка* (одно из значений в СлРЯ, вып. 16 «мягкая подкладка у одежды и др. бытовых предметов»); *в'вяски* («принадлежность седла» — не слишком точное определение СлРЯ, вып. 2, ср. текст 1643 г.; Ввяска конская ветчаная, шито по черному бархату серебром... и бахрома шелковая); *крылцы* («боковые скаты седла» СлРЯ, вып. 8 — одно из значений); *sub illis* — под ними *тебенки* (у Даля *тебенёк*, *тебенёк* мн. «кожаные лопасти по бокам русского и казачьего седла»; Фасмер считает, что это слово заимствовано из тюрк., ср. казах. *tebaŋgi*); *пристуги* (у Спарвенфельда сначала было написано *пристоги*. Это слово в трех вариантах известно по памятникам XVI—XVII веков: *пристегъ/пристугъ*, *пристужина* «ремень под крылом седла для пристегивания подпруги» СлРЯ, вып. 20, в рукописи); *подпруги* (термин, употребляемый и сейчас): *пустлища* (*пустлище/пустлице* «ремень, на котором привешено к седлу стремя» СлРЯ, вып. 21, в рукописи); *стремена*; *тарака* (написание отражает московское аканье; у Даля *торока* «ремешки позади седла для пристежки»; Фасмер: *торок*, *торока* мн. из праслав. *torъkь). *Узда*; *ухват*; *лысина* («светлый конский налобник, бляха, подвеска» СлРЯ, вып. 8. Это значение вторично по отношению к первоначальному: «белое пятно на лбу животного, чаще лошади» —

там же): *поводы* (т. е. *поводья*); *темляк* (Фасмер: укр. *темляк* «узды» из тюрк., ср. тат. *tämläk* — то же); *пахви* (Фасмер: *пахви*, *пахви*, *пахвы* мн. «подхвостные ремни в лошадиной сбруе», сближается со словом *пах*); *кутас* (*кутазь* и *кутась*, кроме значения «як», «украшение в виде кисти» (*колоколець кутазь*) СлРЯ, вып. 8); Фасмер: *кутас* заимствовано из тур. *kutaz* «украшение, навешиваемое на шею лошади»; *кисть*; *побычни* (*побочень*, *побочни* мн. «ремень, веревка и т. п., которыми стреноживают лошадь, переднюю и заднюю ноги», — СлРЯ, вып. 15, т. е. по боку, с одного бока; видимо, Спарвенфельд неверно услышал слово и так его записал); *аталчик* (издатель переводит приведенное в объяснение слово *païronkok* как «патронная сумка»; нам не удалось найти это слово); *заради* (т. е. *заряды*); *паперсь* (Даль приводит слово *паперсь* «конский нагрудник» и дает его в следующем контексте: «Пахва не дает седлу скатываться наперед, а паперсь назад», он же поясняет слово *перси* мн. «грудь, передняя часть тела, от шеи до живота»; Фасмер: *персь*, обычно мн. *перси*, слово известно во многих слав. языках, родственно лит. *piŕšis* «грудь у лошади»).

Заканчивая наш беглый обзор словаря и глоссария Спарвенфельда, следует сказать, что они непременно должны использоваться в исторических словарях русского языка и уже частично используются в Словаре русского языка XI—XVII веков. Они могут принести большую пользу историку языка, диалектологу и ждут своего исследователя — русиста, слависта и латиниста, а также этнографа.

Похвальное слово Буслаеву

*Н. В. ЧУРМАЕВА,
кандидат филологических наук*

Среди замечательных людей, которыми так богат был русский XIX век, особое место занимает Федор Иванович Буслаев.

Исполнилось 150 лет с момента издания первой книги Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», и эта дата дает нам повод еще раз вспомнить о крупнейшем ученом-филологе и сказать ему свое похвальное слово. Он один из первых в истории отечественной науки глубоко и верно усвоил метод сравнительно-исторического подхода к изучению явлений и дал образцы его блистательного применения в языкознании, литературе, народном творчестве, искусстве. Очень много сделал Ф. И. Буслаев для русской науки и искусства в плане общеевропейского и общемирового их рассмотрения.

Но Буслаев — не только ученый. Без малого всю свою долгую жизнь он был профессором Московского университета. Это соединение исследователя и преподавателя в одном лице оказалось в высшей степени благотворным: русская наука второй половины XIX века своим расцветом во многом обязана Буслаеву и ученикам его школы. Уже в первые годы его работы в университете современники назвали филологический факультет «без сомнения лучшим» благодаря Буслаеву, а о знаниях его скажут: «его филологическое образование... весьма прочно и едва ли у нас составляет не единственный пример» (А. Н. Афанасьев).

Федор Иванович читал лекции по сравнительной грамматике и истории русского языка, по древнерусской литературе и народной словесности. Были у него специальные курсы о русском богатырском эпосе, об испанских «Песнях о Сиде», рыцаре времен Реконкисты (так называлась освободительная война древних

испанцев с маврами), о древнефранцузской «Песни о Роланде», о творчестве великого Данте.

Он учил студентов видеть связь между самыми разными проявлениями духовной жизни отдельных людей и народов. Рассказывая о русских былинах, он разбирал их в связи с древнефранцузским эпосом, от древнерусской литературы естественно переходил к западноевропейской, от современного языка — к языку древнейшего периода. Культура разных эпох и разных народов в изложении профессора сама собой складывалась в систему исторического развития общечеловеческой культуры.

Все это стало обычным для науки нашего времени. Иначе обстояло дело в первой половине прошлого века, когда начинал свою деятельность Федор Иванович Буслаев. Еще в 40-е годы XIX века немецкий философ Фридрих Шеллинг, читая лекции по мифологии, не хотел взять для своего предмета даже скандинавский эпос «Эдда», так странны и далеки от античных образов казались ему оригинальные представления северной фантазии. Тогда эта «классическая брезгливость», как называл ее Буслаев, была в порядке вещей.

Замечательно то, что свою научную деятельность Буслаев начал с разработки методики обучения русскому языку, прекрасно понимая, что школьное образование — основная забота каждого культурного общества. Как никто до него, он видел связь преподавания родного языка и литературы с воспитанием — нравственным и гражданским.

Кроме лекций и науки Буслаева занимало много других дел. Он писал статьи по самым разным вопросам — уже для широкой публики: о баснях Крылова в рисунках К. А. Трутовского, о картинах Рафаэля, о портретах Леонардо-да-Винчи, о женских типах в изваяниях греческих богинь, о народной поэзии в древнерусской литературе. Он высказал и развил идею использования произведений русского народного творчества в производстве промышленных товаров. Считал, что знание народных ремесел таит в себе удивительные возможности для совершенствования художественного вкуса.

В 60-е годы Буслаев участвовал в издании «Истории русского орнамента». С его помощью создавался отдел «История труда в России» на Парижской выставке 1867 года. В 1863 году на Лондонской всемирной выставке были показаны картины русской школы живописи. Потом они были выставлены в Москве в зале 1-й гимназии у Пречистенских ворот. Федор Иванович написал подробную статью-путеводитель об этой выставке.

В памяти современников Федор Иванович Буслаев остался как просветитель. Благодаря таким, как он, выросло и окрепло

русское общественное самосознание. Как писал искусствовед академик Н. П. Кондаков, «он был в среде русских ученых не только европейским ученым по преимуществу, но, в своем роде, наиболее счастливо сложившимся мыслителем и писателем». Свое дарование Федор Иванович употребил на то, чтобы научные знания донести до широких слоев грамотных людей, всеми мерами способствовал тому, чтобы русское образованное общество стало интересоваться вопросами науки и следить за ее успехами. Он верил, что чувство национального достоинства должно покоиться на знании всей культуры своего народа. Считал интерес к историческому прошлому отечества не сентиментальным любительством, а долгом и обязанностью каждого образованного человека.

Хорошо известно, что представляла собой Россия 40—50-х годов прошлого века: убит Пушкин, в ссылке декабристы, крепостное право еще не отменено ... Русское общество не было единым. Особенно сильным было противостояние западников и славянофилов. К какому же крылу принадлежал Буслаев? Этот вопрос занимал и его современников.

Федор Иванович был хорошо знаком с московскими славянофилами. Особенно любил он Константина Сергеевича Аксакова и Петра Васильевича Киреевского — за нравственные достоинства, чистоту помыслов и высокую образованность. Но таких же «бесподобных людей» знал Буслаев и в среде западников. Об одном из них, Тимофее Николаевиче Грановском, он сказал: «Никого на свете не знал я — лучше Грановского, совершеннее во всех отношениях». Те и другие были нужны России. На склоне лет Буслаев писал в своих воспоминаниях: «Принадлежать к какой-либо партии было противно моему нраву и обычаю... Я думаю, что если какой-нибудь принцип разлагается на две противоположности, то каждая из них легко может дойти до бессмысленных и зловредных крайностей». Вспомним слова, сказанные А. И. Герценом-западником в надгробном слове К. С. Аксакову: «Да, мы были противниками их: у нас была одна любовь, но не одинокая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство ...: чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» (Колокол. 1861).

Буслаевская наука немало сделала, чтобы решить этот давний спор. В 1863 году в курс университетского преподавания был введен новый предмет — история всеобщей литературы. Кафедры этого предмета в Петербурге и Москве в скором времени были

заняты учениками Буслаева — А. Н. Веселовским и Н. И. Сто-роженко. Русская филологическая наука органически вошла в науку европейскую. Крайности славянофильства с его узко-патриотическим самовосхвалением и крайности западничества с его огульным самоухаживанием предстали одинаково нелепыми и несостоятельными.

Все работы, суждения и высказывания Буслаева — о людях, обществе, языке — пронизывает удивительное чувство меры и верного такта. Заложено ли это было в нем от рождения или воспитано собственным трудом? Биография Буслаева тоже не вполне ответит на этот вопрос.

Федор Иванович Буслаев родился в 1818 году в небольшом городке Керенске (теперь называется с. Вадинск) Пензенской губернии. Отец его, Иван Иванович Буслаев, состоял в должности уездного чиновника судебных дел (или, как говорили тогда, стряпчего). Мать, Мария Ивановна Андреева, была дочерью ар-мейского офицера. Счастье семьи было недолгим. Отец тяжело заболел. Для лечения он был переведен в Пензу, но и тамошние врачи не смогли помочь. Федору было 5 лет, когда отец умер.

Мать не вернулась в Керенск, а купила в Пензе дом и навсегда поселилась там. Через два года она вновь вышла замуж. Родились две дочери. Позднее она напишет в письме к родственнице горькие слова: «это безрассудное замужество отняло у меня решительно все: имя, состояние и... мое здоровье». Отчим умер в 1830 году во время эпидемии холеры. Семья осталась в крайней бедности. От нищеты спасали только трудолюбие и бережливость матери.

Все светлое, что было в детстве Федора Ивановича, связано с матерью. Редкое понимание, дружба и любовь объединяли мать и сына Буслаевых. Смыслом всей своей жизни она считала ученье сына, и он не обманул ее надежд ни в детстве, ни потом. 15-ти лет Федор закончил Пензенскую гимназию. В Московский университет, куда решил он поступать по настоянию матери, моложе 16 лет не принимали,— этот год ушел на подготовку к экзаменам и изучение греческого языка, который не преподавался в гимназии. Нанять учителя было не на что. Но мать и тут нашла выход: она сдала комнату семинаристам, и те вместо платы за квартиру занимались с Федором.

Время перед поступлением в университет, наверное, было самым тяжелым для Буслаева. Письма Марии Ивановны говорят сами за себя... «Друг мой Феденька!... Напиши все ко мне: почем нанял квартиру, и что заплатил извозчику, и много ли у тебя осталось денег. Хозяйский чай не пей, а свой всегда пей: это дешевле и лучше. Не мори себя, покупай на завтрак белый хлеб,

ты любишь его: кушай,— мы себе откажем в лакомстве: нас много, мы и черный будем есть, он у нас сделался в половину дешевле» (19 августа 1834 года); «Вот, дружок мой, ты узнал горе и нужду. В письме твоём говоришь о себе: „нет беднее меня“. Горько слышать это матери. Куда девалось твоё благословение бедности?» (16 октября 1834 года). Она призывает сына к терпению, что ещё могла сказать она ему?

Федор выдержал экзамен хорошо и был принят в число казеннокоштных студентов, то есть учившихся бесплатно, за счет казны. Зачисление на казенное содержание было спасением: он мог учиться, не думая о куске хлеба. Федор и сам стал подрабатывать — давал уроки. Мать пишет ему: «Начинаю чувствовать радость для меня ещё новую. Я вами маленькими только любовалась и радовалась, смотря на вас; но теперь моя радость большую от той имеет разницу. Мой сын один, уже без подпоры слабой руки матери, живёт целый год, и о нём я слышу радостные, лестные, усладительные для матери известия... Ты заслуживаешь, если бы можно, удесятерить мою любовь к тебе; но любовь моя к тебе сильна и возвысится уже не может больше...» (6 августа 1835 года). Федор подробно пишет матери обо всем, советуется с ней, как привык это делать дома, и на все получает ответ. «Друг мой, ты просишь моего согласия, учиться ли тебе на этот год ещё двум языкам. Ты знаешь мое правило: я не терплю того, чтобы браться за многое и ни в одном не усовершенствоваться... Но если ты имеешь столько желания и времени, чтобы ещё учиться двум языкам, то лучше английскому и итальянскому, нежели арабскому и персидскому... а впрочем, как ты хочешь» (16 июля 1835 года).

Весь год мать жила надеждой, что летом сын приедет домой повидаться с родными. Летом 1836 года, скопив уроками денег на дорогу, Федор приехал, но не застал в живых матери. Она умерла, заразившись горячей от одной своей приятельницы, за которой ухаживала во время болезни.

Весной 1838 года Федор Иванович закончил университет и получил место учителя русского языка во 2-й московской гимназии. Как все казеннокоштные студенты, он должен был проработать в гимназии 6 лет. Какие задачи поставил перед собой молодой учитель? Прежде всего, воспитать в учениках охоту к занятиям, всячески поддерживать их природную любознательность, не повредить ей скукой или чересчур напряженным трудом. Существующие учебники для этого не годились, и он решил оставить их в стороне. Директор гимназии встретил эти начинания полным непониманием. Он предупредил учителя, что не потерпит в своем

учебном заведении никакой самодеятельности. В этом тяжелом разладе прошел для Буслаева первый год работы.

Тут поступило ему предложение от графа Сергея Григорьевича Строганова поехать на два года в Италию в качестве домашнего учителя его детей. Буслаев согласился. Строганов, богатый аристократ, умный, высокообразованный, с 1835 года был попечителем московского учебного округа, куда входил и университет. На этом посту граф сделал много хорошего для просвещения России, потому что умел видеть талантливых людей и берег их. В семье графа было шестеро детей, со средними — двумя мальчиками и двумя девочками от 10 до 16 лет — и должен был заниматься Федор Иванович русской историей, языком и литературой. В доме была прекрасная библиотека по всем этим предметам. Каталог ее Буслаев составил заранее в Москве, и граф выполнил все пожелания учителя.

Все в доме Строгановых относились к Федору Ивановичу с полным доверием к его учительским способностям и с уважением к его знаниям и разнородным интересам. А интересы Буслаева были беспредельны. Многое из того, что увидел, узнал, изучил и обдумал Буслаев в Италии, вошло позднее в его исследования по европейскому искусству и литературе. Как много он работал! Даже в полуденную жару, когда все живое замирало от духоты и зноя, он находил для себя освежение... в чтении. Смеясь говорил, что таким образом проверял на себе метод немецкого ученого Канта, который лечил себя от кашля и зубной боли углублением в философские думы.

Сразу же по возвращении из-за границы Буслаев занялся приведением в порядок сведений по педагогике в их применении к школьному преподаванию русского языка. Свои идеи и планы он продолжал проверять на занятиях с учениками, т. к. с сентября 1841 года работал учителем в 3-й московской гимназии. В 1844 году выходит книга Буслаева «О преподавании отечественного языка».

Первый отзыв на книгу не замедлил сказаться на самом авторе. Директор гимназии Погорельский счел ее «бесполезной книгой, переполненной никому не нужной всякой всячиной». Начались насмешки и распеки даже в присутствии других учителей. Газета «Северная пчела», издаваемая Булгаринным и Гречем, высмеяла Буслаева. «Мне было стыдно и жутко читать... как перед целым светом окатили мое до сих пор никому не известное имя помоями и топтали его в грязь», — вспоминал позднее ученый. Книга издевательски называлась «пособием, как разучиться писать по-русски». Иначе приняла этот труд передовая Россия. Такие журналы, как «Современник», «Москвитянин», «Оте-

чественные записки», сходились во мнении, что это «драгоценный подарок для школы».

В 1846 году Буслаев ушел из гимназии и был принят в Московский университет в качестве внештатного (стороннего, как говорили тогда) преподавателя. Два года спустя он защитил магистерскую диссертацию. Называлась она «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию». Чем явилось это исследование в истории развития русской науки, сказал академик А. Н. Пыпин, младший современник Буслаева: «Оно упало в русскую литературу как снег на голову; оно не было в ней приготовлено ничем; это было прямо применение нового научного метода к вопросам нашей древности, когда самое существование этого метода было известно лишь двум-трем филологам».

Буслаев получил ученую степень магистра (средняя между современными степенями кандидата и доктора наук) и через месяц был назначен на должность помощника профессора (адъюнкт-профессора). Два года спустя он стал профессором Московского университета. Так вернулся Федор Иванович в родной университет и больше не расставался с ним. В конце своей жизни, будучи больным и старым человеком, потеряв зрение, он начал диктовать книгу о прошлом, назвав ее «Мои воспоминания» и посвятив своим ученикам и ученицам. Там есть такие слова: «я ни разу не соблазнился административной почестью декана или ректора, вполне довольствуясь званием только профессора... Многие из вас меня не одобряют. Но что же будешь делать! У меня не хватало гражданской доблести. Вероятно, я смешивал ее с чиновничеством, которое было мне не по нраву. Я мог сколько умел служить университету только своей наукой; других талантов за собой не знал».

Отношение Буслаева к своим ученикам — особая тема. Для студентов, которые интересовались его предметом, он вел дополнительные занятия — историю русского языка по памятникам письменности. Читал этот курс у себя на дому в воскресенье утром. По пятницам квартира профессора была переполнена народом, маленькая передняя завалена пальто. Это был приемный день Буслаева, и к нему приходили учителя, литераторы, ученые. Но больше всего было студентов, человек двенадцать обязательно сидели за круглым столом в гостиной: поправляли записи, работали с рукописями и книгами из богатой профессорской библиотеки. Тут были не только филологи, но и математики, юристы. Вечером, в начале 11-го, на тот же круглый стол ставилась скромная закуска, к которой присутствующие приступали стоя, так как мест всем не хватало. Наука не с кафедры, а за домашним

столом, была такой близкой, понятной. Многие и людьми сделались благодаря буслаевским пятницам,— писал один из студентов тех лет.

Известно, что на вопрос, кого считать идеальным профессором, студенческая молодежь середины прошлого века называла два имени — Грановского и Буслаева.

Личность Буслаева необыкновенно привлекательна. Романтически влюбленный в науку, он передавал слушателям не только свои глубокие знания, но и свою увлеченность ею. Идеалом ученого считали его еще и потому, что был он бескорыстным, скромным и деликатным человеком. «Природа счастливо сочетала в нем пылливый ум исследователя, тонкое понимание красоты, свойственное художнику, душу высокого идеалиста и отзывчивое сердце доброго человека»,— писал ученик Буслаева академик Всеволод Федорович Миллер. Таким остался Федор Иванович в памяти своих учеников. Таким он остается в памяти своих соотечественников.

В 1992 году Министерством образования Российской Федерации выпущена в свет книга «Ф. И. Буслаев. Преподавание отечественного языка» (Москва, «Просвещение»). Она предназначена в качестве учебного пособия для студентов педагогических институтов по специальности «русский язык и литература». В книгу входят работа Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» в объеме первого издания 1844 года, а также его статьи, рецензии и программы по русскому языку и словесности. В приложении дана речь Е. Ф. Будде «О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого-лингвиста и преподавателя», произнесенная в 1897 году в Казанском университете.

Составители книги: доктор филологических наук, академик АПН, профессор И. Ф. Протченко и кандидат педагогических наук доцент Л. А. Ходякова. Книга снабжена вступительной статьей и комментариями.

Топонимический словарь Центральной России*

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Брянск (1146) *. Город, центр Брянской области. Традиционно в основе этого топонима исследователи видят апеллятив *дебрь* (*dьбрь/*dьбрь) с широким диапазоном значений: «глубокий крутой овраг, заросший лесом», «непроходимый густой лес, чаща», «долина между холмами с ручьем, заросшая лесом» и др. с общим признаком труднопроходимости. Это подтверждается и ранними формами (XI—XIV вв.) этого топонима: *Дьбряньскъ*, *Дьбряньскъ*, *Дебряньскъ*, в которых в результате падения редуцированного *ь* в начальном слоге образовалось трудно произносимое сочетание

* Продолжение. Начало см. Русская речь. 1994. №№ 4, 5.

трех согласных *Дбр*. В процессе употребления этого топонима произошло упрощение этой группы согласных в *Бр* и падение редуцированного в суф. *-ьскѣ*)-*скѣ*. Аpellятив *дебрь* очень активен в русской гидронимии: реки *Дебрь*, *Дебря*, *Дебренька*, *Дебровка*. В верхнем Поочье известна река *Брянка*, овраг *Брянцевский*, хотя название оврага может носить вторичный характер — от фамилии *Брянцев* или селения *Брянцево*. В. А. Никонов сообщает, что Брянск до XII века назывался *Брынь* (Никонов. Краткий топонимический словарь). Но как убедительно показала Р. С. Рогонова, *Брянск* никогда не назывался *Брынь*. В летописях действительно встречается название *Брынь*, но оно относится к селу *Брынь* на реке *Брыни* в бассейне Оки (Рогонова Р. С. Брянск//Русская речь. 1986. № 4).

брянцы, брянец, устар. брянчане, брянчанин
брянский, -ая, -ое

Брянцы — куролесы, т. е. шутники, весельчаки. *Брянский волк тебе товарищ (а не я)*. Так говорят по отношению к тому, кого не считают равным себе по положению, поведению, авторитету; от кого хотят держаться подальше и отвергают его как недостойного себе.

Буй (1536). Город в Костромской области. В основе названия несомненно аpellятив *буй*, известный в древнерусском языке и в диалектах русского языка в разных значениях, часть которых можно обобщить как «возвышенное место, холм, горка». Позже из этого значения развилось другое — «место, где стоит церковь» и «место около церкви». Такое развитие значения слова *буй* обусловлено тем, что церкви в России возводились на высоком, сухом месте. Отсюда церковь была видна всей округе и, будучи красива по своей архитектуре, как любой храм, украшала и организовывала всю местность. Видимо, поселение было названо *Бум* потому, что стояло на возвышенном месте, холме. Аpellятив *буй* в этом значении широко известен на северо-западе и севере России. При этом надо заметить, что название двух рек *Буй* в бассейне рек Вятки и Камы исследователи выводят из башкирского и татарского *буй* — «длина», «длинный» (Никонов. Ук. соч.).

бுவляне, бுவлянин, бுவлянка

буйский, -ая, -ое и бுவевский, -ая, -ое

Бувцы — домоседы. Имеется в виду замкнутый, мало подвижный образ жизни жителей Буя. *Буй да Кадуи* (село рядом с Бум) *черт три года искал, а Буй да Кадуи у ворот стоял*. Речь идет о том, что эти селения находились в глухом лесу и поэтому их было трудно найти, хотя они и были рядом.

Бутурлиновка (1917). Город в Воронежской области. В основе названия фамилия генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина, ко-

тому императрица Елизавета Петровна подарила в 40-х годах XVIII века земли в этих местах. Фамилия *Бутурли* известна в источниках с XV века (точнее ее исходная форма): Иван Андреевич *Бутурля* — основоположник огромного рода Бутурлиных (Веселовский. Ономастикон).

бутурлиновцы, бутурлиновец

бутурлиновский, -ая, -ое

Буды. Русское село в Мордовской республике (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР). В основе топонима слово *буда*, известное в русском языке XVII века в разных значениях, в частности, как «смолокуренное, потажное или селитренное заведение в лесу и селение при нем» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1993, Вып. 1—18. Далее — СлРяз. XI—XVII вв.). Вероятно, селение возникло при одном из таких «лесных» промыслов. Форма множественного числа часто используется в топонимах, относящихся к селениям ремесленного или производственного профиля, например названия бывших московских слобод Сокольники, Хамовники и др. Ср. *Майдан*.

будный, -ая, -ое и будовский, -ая, -ое

Вад. Река, правый приток Мокши. Гидроним довольно прозрачен по происхождению. В его основе финно-угорское *vad*, имеющее ряд значений с общим признаком сырости, влажности, болотистости, что представлено в современном мордовском и коми: *вад* «лесное озеро». Не исключено и индоевропейское происхождение названия. Производные топонимы: поселок *Вадинск* (Пензенская об.), мокшанские села *Вадово-Сосновка* и *Вадовские Селищи* (Мордовская республика).

вадинцы, вадинец

вадский, -ая, -ое и вадинский, -ая, -ое

Валдай (1770). Город в Новгородской области. Название получил по горам *Валдай* (Валдайские горы, Валдайская возвышенность).

валдайцы, валдаец, валдайка

валдайский, -ая, -ое

Валдайка глядит, что зайка. Имеется в виду кротость и покорность валдайских женщин. А. С. Пушкин писал о них: «У податливых крестьянок, чем и славится Валдай...» *Валдайский колокольчик*, *Дар Валдая* — ямской колокольчик с необыкновенно благозвучным и нежным звоном.

— Город славился своими промыслами: изготовлением ямских колокольчиков, печением кренделей и баранок.

Валдайская возвышенность расположена на северо-западе Восточно-Европейской равнины. Исследователи видят в основе этого топонима прибалтийско-финский аппелятив, известный в совре-

менном эстонском *vald* — «волость», «владение», литовское *vald, valda* — «область, округа». Наличие в бывшем Петергофском уезде селения *Горы Валдай* и *Варовалдай* (с вариантом *Hariawalda* в XVII в.) дает основание видеть в первой части *Варо* (эст. *Hari*, прибалт.-фин. *harja* — «гребень» и *vaara* — «горы»), а весь топоним перевести как «горная страна, округа, область». Вероятно, *Валдай* — это русская форма передачи прибалтийско-финского названия *Варивалдай* (Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981). *Валдайское озеро* — вторичное название по горам.

Валу́йки (1593). Город в Белгородской области. Существует несколько предположений о происхождении этого названия, но ни одно из них пока нельзя считать окончательным и даже в достаточной степени аргументированным. В них не учитывается то обстоятельство, что город получил название по реке Валуй, при впадении которой в реку Оскол (слева) он основан. В. А. Никонов предполагал связь названия с апеллятивом *валуй* — «гриб», но затруднялся в определении принципа называния. Он считал более предпочтительным гипотезу С. М. Кардашевского о связи топонима с диалектным *валуй* — «неповоротливый человек, лентяй», известным в говорах Курской и Орловской областей. Не отрицал он и антропонимическое происхождение от личного мужского имени *Валуй*, известного в XVI веке (Никонов. Ук. соч.). Поскольку город получил название по реке, речь должна идти о происхождении гидронима, в частности, в отношении принципа номинации. Представляется возможным связать гидроним *Валуй* с апеллятивом *валуй* (от *вал*) — «что-л. возвышающееся в форме гряды» (наносы хвороста вдоль русла реки, земляная насыпь, прибойный вал вдоль берега, рельеф в виде складки, вздутия). Ср. *хóлуй* — «вал из речных наносов; наносы, остающиеся на лугах после разлива реки» и др. Оба апеллятива активно ведут себя в топонимии (село *Хóлуй* в Ивановской обл., река *Холуянка* и др.). Особенно важен в этом отношении топоним *Холуйские Пороги* на реке *Чупленье* в Архангельской области (Мурзаев. Словарь народных географических терминов), которые, вероятно, представляют собой грядообразные складки рельефа. Это дало бы возможность объяснить гидроним *Валуй* как реку, имеющую такие дороги или гряды из речных наносов.

Е. С. Отин видит в названии *Валуй* (из *Волуй*) древнерусское прилагательное *волуй* — «воловий, бычий» и приводит гидронимию с основой *бык* — *быч* (но не *волуи*), известную в бассейнах Дона и Оки (Отин Е. С. Валуйки. Лиски. // Русская речь. 1977. № 6).

валуйча́не, валуйча́нин, валуйча́нка

валу́йский, -ая, -ое

Ве́лиж (1536). Город в Смоленской области. Основан у впадения

реки Великой в Западную Двину. Название городу дано по реке Велиж — современное Велижка.

велижа́не, велижа́нин, велижа́нка
 вели́жский, *-ая, -ое* и ве́лижский, *-ая, -ое*

Вели́жка (Ве́лиж). Река в верхнем течении Западной Двины. Происхождение названия окончательно не установлено. Предположительны две версии — славянская и балтийская. Если его членить как *вел-иж*, то основу можно связать с апеллятивом *велий* «большой», известным во всех славянских языках, в том числе и русском. Гидронимы с формантом *-иж, -еж* встречаются на центральной русской территории, в частности, в бассейне Оки (Себеж, Трубеж, Велишка, Луниж и др.). Но поскольку гидроним находится на северо-западе России, в зоне распространения балтийской гидронимии, есть основания связать его с Велейка (басс. Днепра), Вилейжа (басс. Немана), для которых исследователи допускают балтийское происхождение: из *Veļeja или *Vilēja (*vilija), но с определенной долей сомнения (Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962).

Великая. Река, впадает во Псковское озеро. По мнению исследователей, в основе названия слово *великий* в древнерусском значении «большой». Большинство водных объектов Великой тоже носят славянские, точнее древнерусские названия. Как показал А. И. Попов, при анализе этого гидронима необходимо учитывать такой факт, что в древнерусских документах озера Чудское и Псковское указываются как одно с названием *Великое*, соответственно и река, соединяющая их (находящаяся в их составе) тоже носила название *Великая* (Попов. Ук. соч.). Он же приводит новые аргументы в пользу того, что это название является переводом на древнерусский язык финно-суоми *isa* «большой, великий». Подтверждается это предположение названием одного из крупных притоков в верхнем течении Великой Иса (Исса), берущим начало из озера Дедено (Дедово), которое может быть соотнесено с финским *isoisa* «дедушка». Вероятно, Великая до слияния с Иссой носила общее название *Исса*, переведенное древними руссами как *Великая*.

Вели́кие Лу́ки (1166)*. Город во Псковской области на реке Ловати. Название представляет собой сочетание двух слов. *Великий* в древнерусском языке означало «большой» и *луки* — «речные излуины, луки». Это объяснение подтверждается таким обстоятельством, что на реке Ловати, ниже этого города есть большие и очень крутые излуины.

Предположения о связи этого топонима с луком (оружием) или с именем основателя Лукой Великим или с древнерусским *лука* — «мокрая земля» не аргументированы и неубедительны (Рос-

понд. Структура и стратиграфия...), т. к. не могут быть объяснены с точки зрения признаков номинации или историческими реалиями.

великолуча́не, великолуча́нин, великолуча́нка и *устар.* луча́не, луча́нин

великолúцкий, *-ая, -ое* и великолúцкий, *-ая, -ое*

Венев (1400). Город в Тульской области. Наиболее ранняя форма *Венева*. Название дано по реке Веневка, при впадении которой в реку Осетр основан город. Вероятно, первоначальная форма гидронима *Венева*, получившего деминутивную форму после того, как на реке возникло одноименное селение. Как считают исследователи (Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983), в основе названия можно видеть праславянскую основу *vepь от глагола *viti, *vьja — «вить», отраженную в древнерусских вити, венокъ, венець — «венок, венец»; в польском *wian* — «венок». Венева — река с прихотливым, как бы выющимся руслом. Аналогичные гидронимы известны в бассейне Оки: Венка, Веноша, а также производное исток Веневский (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки); в бассейне Вислы *Wieniawa* (Hydronimia Wisly. Cz. I. Warszawa — Kraków — Wrocław, 1965). и др.

вене́вцы, вене́вец, *устар.* веневи́чи, веневи́тин
вене́вский, *-ая, -ое.*

Вене́ра. Название мокшанского поселка в Мордовской республике (Инжеватов. Ук. соч.). Название символического характера, так как имена ярких планет после революции 1917 года олицетворяли новую необычную, яркую жизнь. Поселок основан в конце 20-х годов переселенцами из села Старые Верхисы как колхоз «Венера».

Название жителей и прилагательное от этого топонима не известны.

Верей (1381). Город в Московской области и ряд населенных пунктов в центральной части России. В основе названия апеллятив *верей* — «возвышенное сухое место на пойме» (Даль; СРНГ); Верей — поселение, возникшее на сухом возвышенном месте в пойме реки. Это подтверждается и тем фактом, что город Верей расположен на высоком (сухом) правом берегу реки Протвы, напротив него на другом берегу находится низменный, заливной левый берег. Связь со значением «столбы ворот» (Никонов. Ук. соч.) исключается из-за невозможности объяснить признак, лежащий в основе номинации этого объекта.

верейцы, вереец и *устар.* верейчи
верейский, *-ая, -ое.*

Верейцы-сачевники. Вероятно, имеется в виду то обстоятельство, что верейцы ловили рыбу своим излюбленным способом —

сачем (или *саком*), т. е. специальным мешком — сеткой на обруче и шестах, а также специальным черпаком в виде сетки на обруче, которым доставали рыбу из садка.

Весьёгонск (1776). Город в Тверской области. Как считает В. А. Никонов, название восходит к слову *vesь* — финноязычная народность, жившая севернее Волги, и к финскому *jokki, jogi* — «река», т. е. «речная весь» или «река веси». По другой версии, топоним выводят из этнонима *vesь* и названия озера Егно или реки Иогница, т. е. «весь егонская» в отличие от «веси моложской», жившей по реке Мологе (Никонов. Ук. соч.). В этом случае находит свое объяснение и *-н-* перед суф. *-ск-*.

весьёгонцы и весьёгонцы, весьёго́нец и весьёгонец, весьёгонка и весьёгонка

весьёгонский и *местн.* весьёгонский, *-ая, -ое*

Ветлуга (1778). Город в Нижегородской области. Название дано по реке Ветлуге, на которой стоит город. А. И. Попов считает, что гидроним — это переделанное русскими марийское название *Витла* — «горный» или *Вутла* — «луговой». В нем *вид* и *вуе* (из *выа*) — «вода», *ла* — показатель множественности, т. е. «воды», *-га* — типичный речной формант. Марийская форма *Вутла*, как считают исследователи, возможно, связана с финно-угорским *вудла* — «водный край», «переувлажненное место». Ср. марийское *вуд* — «вода», *-ла-* древний финно-угорский суффикс места. Соответственно, можно допустить, что *Ветлуга* — финно-угорское «река водного края», «полноводная река», а *вит(ла)* — марийское «вода, масса воды» (Сануков К. Н. К этимологии гидронима Ветлуга // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985), *уг* из пермского, *юг* — «река», *-а*, видимо, русское оформление окончания названия реки в женском роде. Такое объяснение в определенной мере согласуется с реалиями: в нижнем течении оба берега Ветлуги низкие и легко затопляемые. Известны легенды о происхождении этого названия (Никонов. Ук. соч.).

ветлужа́не, ветлужанин и ветлужцы, ветлужец

ветлужский, *-ая, -ое*

Ветлужане — санники. Имеется в виду основной промысел жителей — изготовление саней.

Санники да тележники, а выехать не на чем.

Видное (1965). Город в Московской области, входящий в состав лесопаркового пояса в южной части Москвы. Вероятно, название дано по его местоположению: он находится на возвышенном месте, видном со всех сторон.

видновцы, видновец

видновский, *-ая, -ое* и видно́вский, *-ая, -ое*

Вичуга (1925). Город в Ивановской области. Город получил название по одноименной реке, на которой основан. Исследователи допускают связь гидронима с древним финно-угорским *вич*, которое может быть интерпретировано через древне-мансийский «сырой луг», а *уга* — через древнепермское *юг* (*уг*) или древнехантыйское *юган* — «река» (Серебреников. К уточнению некоторых этимологий), то есть *Вичуга* — «луговая, болотистая река».

вичужане, вичужанин, вичужанка

вичугский, *-ая, -ое* и вичужский, *-ая, -ое*

Вишера. Название нескольких рек в бассейнах озера Ильмень, Камы, Вычегды. Происхождение гидронима не ясно. Существующие этимологии неубедительны. Большинство исследователей сходятся на том, что ильменская и уральские Вишеры имеют разное происхождение, в обоих случаях неславянское, вопреки предположению М. Фасмера, что в основе уральских и волховской Вишеры славянский апеллятив *вишь* — «болотная осока», польское *wisz* — «место, заросшее сорняком», литовское *vikšris* — «тростник» (Фасмер. Т. I). А. К. Матвеев предполагает, что уральские гидронимы можно соотнести с коми *вой* — «север», «ночь», из чего следует, что *Вишера* — Северная река, или с саамским словом *суэрт*, *суур* — «ответвление реки» и *йый* или *ый* (перед которым может развиваться *в, ве* в некоторых финно-угорских языках в значении — «ночь»). По этой версии, *Вишера* — Полуночный (Северный) приток (река). Другая гипотеза связывает гидроним *Вишера* с коми *ву* — «сила» и *сер* — «река», т. е. *Вишера* — Сильная река. Эти предположения кажутся ему наиболее вероятными, но неокончательными, а спустя несколько лет Матвеев сделал другое предположение о происхождении уральской (камской) Вишеры (Матвеев А. К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987).

Продолжение следует

РУССКИЕ И ФИНСКИЕ НАЗВАНИЯ В ТОПОНИМИИ ВАЛААМА

Л. В. МИХАЙЛОВА

В северной части Ладожского озера расположены острова Валаамского архипелага. Неповторимая природа островов, исторические памятники привлекают и туристов, и паломников.

Горы и долины, каналы и озера, мысы и острова Валаамского архипелага имеют, в основном, русские по происхождению названия.

В XIX — начале XX веков территория Валаамского архипелага входила в состав Финляндии, поэтому и появились финские названия. Одни из них, такие, как *Железняки*, гора *Черный Нос*, *Красный мыс*, *Угревый залив*, были переведены с русского на финский язык. Другие не изменились, но писались латинскими буквами: *Бормотун* — *Bormotun*, *Феодоровское* — *Feodorovskoi*.

В это же время на Валааме появились и новые финские названия. Так, северное побережье острова, *Лосиный берег*, было названо *Naaraniemi* — «осиновый мыс», *Кирпичное поле* стали называть *Pitkapelto* — «длинное поле».

Некоторые географические объекты Валаама имеют только финские названия. В районе Никоново, по дороге к Красному мысу, находится местность с финским названием *Kuolemanlaakso* — «долина смерти». Бухта между островом Валаам и островом Лиса называется по-фински *Savilahti*, где *savi* — «глина», *lahti* — «бухта».

Финские названия были позднее заимствованы русскоязычным населением Валаама. Они встречаются в путеводителях, различных публикациях об острове. Многие топонимы были заимствованы дважды: сначала финнами из русского языка, а позднее русскими из финского языка: *Антониевское озеро* — *Antoninlampi* — *Антонинлампи*, гора *Змеиная* — *Kaarmevuori* — гора *Кярмевуори*, *Красный залив* — *Punainenlahti* — *Пунайненлахти*.

Во всех транслитерированных (транслитерация — побуквенная запись иностранного алфавита) с финского языка топонимах географический объект упоминается дважды: остров *Емельярсари*, где финское *saari* — «остров», гора *Исон-Скиттанмяки*, *maki* —

«гора» — русское название — гора Большая Скитская, бухта Саралахти, *lahti* — «бухта».

На скалах Валаама можно увидеть следующие надписи: «Проведена сия канава в 1859 году», «Сооружена сия канава в 1865 году». *Канава* — это старинное русское слово. *Канавами* называли каналы Вышневолоцкой и Мариинской системы. В финском языке тоже есть слово *kanava*, заимствованное из русского, что в переводе означает «канал». Искусственный канал на Валааме, соединяющий внутренние озера Лещевого и Среднеостровское, называется *Кирпичная канава*, по-фински *Tiilikanava*. На юге из озера Лещевого через Лещевый канал можно выйти в Ладожское озеро. А на северо-западе небольшой живописный канал соединяет с Ладогой Московский пролив.

Как мы видим на данных примерах, многие географические названия Валаамского архипелага были забыты, утрачены со временем. Теперь же в различной литературе о Валааме они встречаются в измененном виде, как заимствованные из финского языка (Дорожинский В. Б., Петухов К. В. Валаам. М., 1983; Резников Л. Я. Валаам раскрывает тайны. Петрозаводск. 1975 и др.; Карта Ладожского озера; Туристическая схема «Карелия». М., 1972; Лоция Ладожского озера. 1965).

Южный залив Среднеостровского озера называется *Кукко*, *Kuukanlahti* (фин.). В книге В. И. Немировича-Данченко «Крестьянское царство» один из валаамских монахов объясняет происхождение названия от русского слова *кукушка*: «... залив Кукинский ... кука, которая кукует... здесь прежде водились горластые куки». Этот живописный уголок Валаама связан с именем русского художника И. И. Шишкина. «Местность Кукко» (1859 г.) — это дипломная работа художника, за которую он был награжден большой золотой медалью.

Наряду с финским названием бухты *Kuukanlahti* встречается топоним *Kukonlahti*. Мост, построенный через канал, прорытый в перешейке, называется *Kukonsilta*. Есть предположение, что название окрестностям было дано в память о жившем когда-то на берегу бухты финне по имени *Кукко*. В XVII веке, после крупнейшего разорения Валаама шведами, здесь проживало несколько финских семей, и бухта называлась Кукинский залив (Паялин И. П. Материалы для составления истории Валаамского монастыря. Выборг, 1916). Это название могло быть образовано от имени *Кукко*, т. е. залив Кукина, Кукинский.

Смена населения на острове Валаам на протяжении определенных исторических периодов привела к тому, что на территории Валаамского архипелага происходило изменение топонимов, географические объекты получали по 2—3 названия: Кирпичное

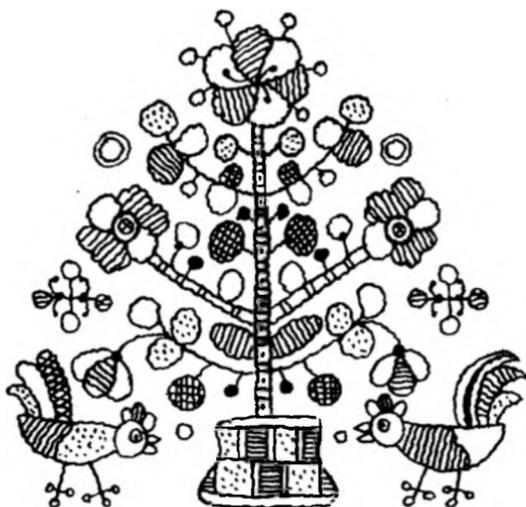
поле — *Pitkapelto*, остров Оборонный — Сухой — *Kelisaari*, Лосиный берег — *Leppalahti*.

Встречаются также случаи, когда первичное описательное значение названия со временем утрачивается. Остров Ржаной имеет первоначальное название: *Лихочун, Лохоцун, Лухочун*. Уже множество вариантов говорит о том, что первоначальная форма исчезла, и лишь отдельно о ней напоминает современное название. К этой же группе топонимов можно отнести такие названия, как *Нахо-сари, Популинниemi*.

Северо-восточная оконечность острова Скитский — мыс Вюволок, окаймленный каменистой отмелью, лежит напротив Валаама, это западный входной мыс бухты Монастырской. Название его является гибридом, т. е. состоит из двух слов: финского и русского. *Ууо* в переводе с финского — «пояс, кушак». *Волоком* в старину называли перешеек между двумя бассейнами, по которому переволакивали суда. Слово *волок* имело также значение: «путь лесом, перегон лесом». Из названия *Вюволок* можно предположить, что по этому мысу на острове Скитский проходил круговой, «опоясывающий» путь лесом.

Процесс образования новых топонимов на Валаамае происходит и в настоящее время, т. к. современное население Валаама пользуется в обиходе своими наименованиями, микротопонимами. В 50-е годы XX века появились такие названия, как *Иванов хутор, Новая земля, Зимник, Купальня, озеро Дивное* и другие.

Петрозаводск

Из коллекции
детского фольклора
Е. В. Ржановской

Среди собирателей детского фольклора, этого уникального жанра русского устного творчества, учительница Елизавета Васильевна Ржановская занимает свое самостоятельное место (см. о ней: Лойтер С. М. Из истории собирания детского фольклора Карелии//Проблемы детской литературы: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1989; Лойтер С. М. Е. В. Ржановская — собиратель русского фольклора Карелии//Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991). Ее коллекция, хранящаяся в архиве Карельского Научного Центра (под номером 67, всего 15 единиц хранения, каждая из которых представляет собой самодельную тетрадь с различным количеством текстов) и озаглавленная Елизаветой Васильевной «Детский фольклор. Собран Е. В. Ржановской. 1927—1934. Заонежский район», формировалась одновременно с работами известных собирателей и исследователей детского устного творчества Г. С. Виноградова и О. И. Капица.

Е. В. Ржановская (1888—1975) — одна из двенадцати детей священника, протоиерея Сенногубского прихода Петрозаводского

уезда В. С. Ржановского. Кстати, одиннадцать (!) его детей стали учителями, их потомки до сих пор учительствуют в Карелии. После окончания Петрозаводского епархиального училища Е. В. Ржановская с 1907 по 1946 год преподавала в начальных классах разных школ Заонежья. И место ее рождения, и место работы — один из самых фольклорных районов Карелии, знакомый мировой науке благодаря открытиям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Здесь прошла жизнь выдающихся сказителей прошлого, среди которых знаменитые Трофим Рябинин и Василий Щеголёнок. Рябинин, заметим, родом из той самой деревни Середка, где с 1932 года Е. В. Ржановская была учительницей и заведующей (в одном лице) школы.

В 20-е годы Заонежье становится своеобразной фольклорной Меккой. Сюда почти одновременно с разными задачами направляются три фольклорные экспедиции, возглавляемые крупнейшими учеными страны: А. И. Никифоровым, А. М. Астаховой и братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми. Есть основания предполагать, что исключительно большое влияние на Ржановскую оказал Ю. М. Соколов, умело использовавший «деревенскую интеллигенцию, местных краеведов», которые, как никто, по его мнению, способны вести постоянную стационарную работу. Результатом этого сотрудничества явились 7 эпических песен, записанных Ржановской и включенных Ю. М. Соколовым в собрание «Онежские былины: Летопись» (М., 1948). Непосредственный творческий импульс самодельная фольклористика получила из только что вышедшей книги братьев Соколовых «Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности» (М., 1926), где, в частности, можно было прочесть: «Народный учитель имеет всегда перед глазами богатый этнографический материал в лице учеников своей школы».

Часть текстов из коллекции Е. В. Ржановской вошла в изданный в 1991 году в Петрозаводске сборник «Русский детский фольклор Карелии». Однако за пределами издания по разным причинам оказались бесценные находки, представляющие интереснейший материал как для лингвистов, так и для любителей народного творчества. Их отличает добротная этнографическая основа, живая диалектная лексика, а главное: они — результат детского речетворчества. Несомненную ценность представляют предлагаемые читательскому вниманию песенки про Рождество.

В публикации соблюдена подлинность записей. Названия разделов и населенных пунктов даны в соответствии с автографами.

Считалки-корялки (колл. 67, ед. хр. 1)

Пери-горели,
по заморьям летели,
за заморьем черьковь,
в черкви Микола,
Дарья Быкова.
Кум да кума.
Кумбышка вина. (Щоглово)

По дорожке стоубовой
Катиуса катырь золотой.
Кто подыме—
Тот и выде.
Одна баба поднела,
Семярых родила,
Ни попа, ни дьяка,
Только Ваню дурака. (Космозеро)

Каба, каба, каба-ка,
была яма глубока,
в эвтой ямы были мышки.
Одна мышка околела,
Всему миру надоела!
— Гди были подружки?
— У попа в избушки.
— Что там делали?
— Попа забавляли.
Поп на стоу.
Попадья под стоу.
Петух на село,
Сам не знае ничего.
Схватиу блинка,
Спомяну сынка,
Схватиу бочку,
Спомянуу дочку. (Селецкое)

Теники-беники,
всем колеса.
— Сколько стоит колбаса?
— Три копейки с половиной,—
Отвечае Катерина.
— Што ты, баба, врѣшь,
што ты дорого берѣшь. (Мягкая Сельга)

Иван-капитан,
Чим коня пропитау?
— Овсом, серебром,
Из копыта под копыто.
Из телеги прямо в грязь,
Оставайся белокнязь.
Коня выгони на двор,
Кого вижу, того вон. (Марковщина)

На этой недели
упали качели,
на Нюту сказали,
но это не я,
наверно, подруга моя. (Сенная губа)

Дразнилки-назывки в разных случаях (колл. 67, ед. хр. 2)

Тех, кто трусит при игре:

Сгузка-рогозка,
Сгузала дыра,
Сколокольничала.
Мы повесили дыру
На высокоу гору.
Бес прибегал,
Гвоздь забивал.
Буде мало того,
Так залез на бревно. (Сенная губа)

Сгузка-подгузка
Сгузала дыра,
Сколокольничала.
С колокольни пала,
Ж... ободрала. (Комлево)

Тех, кто много кричит:

Затеши полено,
Клай меж колено,
Порыкивай
да покрикивай!

Высмеивают тех, у кого выскакивает слюна (пена) изо рта
при разговоре:

Пена-сена,
Продай сена,
Купи плат,
Будешь сват.

Тех, кто суется к разговору других:

Сатана-пёргала,
За веревку дёргала.

Впереди не суйся,
Сзади не пихайся,
В середину не касайся,
Вслед не давайся.

Тех, кто любит передразнивать других:

Передразчику — чирей на щеку!

Мни-ка сахару кусок,
Теби чирей на носок.
Какое место просто,
На тое девяносто!

Передразчику — сто чирьев на щеку!
Наоборот — тебе прямо в рот.

Тем, кто даёт назывки, тому поют:

Мне назывки не пристанут.
Тебе на ворот привяжут,
по деревне поведут,
Много песен напоят.

Дразнилки на мальчиков (колл. 67, ед. хр. 3)

— Вася, а Вася!
Когда яички красят?
— От паски до паски
Всегда яички в краске.

Вася-Васичёк
 Напакостиу в мешачёк
 И повесиу на сучёк,
 На березовичёк.

Ела баба редьку,
 Выпернула Петьку.
 Петька гуляет,
 Куриц гоняет.
 Курицы клокочут,
 Яйца хлопочут.

Коля, Коля—
 С большим водем.

Серёжа-керёжа,
 Поставлена мерёжа.

— Зоря, Зоря, где живёшь?
 — В ригачи да в байны.
 — Зоря, Зоря, что ты пьёшь?
 — Кирпичи да камни.

Дразнилки на девочек (колл. 67, ед. хр. 4)

Марья-шутовка
 Поехала по брёвна,
 Шут ты понёс,
 Не помазала колёс.

Полька, Полька,
 Два попа,
 Мы танцуем
 Крокеля.

Песенки про природу, животных, насекомых, птиц
 (колл. 67, ед. хр. 5)

Бьют змею ольховой вицей и кричат:

Огонь горит,
 Смола кипит.
 Ольховой вицей
 Гада бить. (Комлево)

Огонь горит,
 Смола кипит,
 Верёвки выют,
 Гада в печку несут. (Середка)

Когда нужен ветер:

Дунь, дунь, дунь-ка,
 Спод-дувай, дунь-ка!
 Из-под дунеца мороз,
 Подшевеливай навоз. (Сенная губа)

Песенки в разных случаях (колл. 67, ед. хр. 7)

Когда выпадет зуб у ребят, его бросают в печку и говорят:

Мышка, мышка,
 На тебе зуб мясной,
 А мне дай костяной. (Комлево)

Когда переменят червяка, плюнут на него и скажут:

На новую глистичку
 Подай, господи,
 Окушка либо плотичку. (Сенная губа)

Когда заблудятся в лесу, кричат:

Кероцка богородица,
 Шадровский поп,
 Выведи из лядины,
 Отдам вси куски с корзины. (Комлево)

Песенки про Рождество (колл. 67, ед. хр. 9)

Завтра Рождество Христово,
 Дают молочка пресного,
 Дают штей мясных,
 пирогов прясных.

Христос рождаетца,
 По печи катаетца,
 За стол гребётца,
 С робятами дерётца,
 Ложки ломает,
 В подпол кидает.

Бегат мужичок,
Открывает сундучок,
Доставай пяточок.

Христос рождаетца,
Хозяин догадаетца.
Отворяй-ка сундучок,
Вынимай-ка пяточок.
Не дашь петак,
Я не выду так.

Христос рождаетца,
Сами про то знаете.
Напойтя вином,
Накормитя пирогом.
Я поеду домой
К маменьки на печку.

Прибаутки (колл. 67, ед. хр. 12)

Эх, дитятко,
Да не будитет-ко,
Да не тревожьтет-ко,
Да спать положьтет-ко. (Мягкая Сельга)

Тпруни, труни,
У Петруни
Была сивая кобыла.
Заскочила в огород,
Съела гряду огурцов,
Полюбила молодцов. (Пургино)

Вступительная заметка, подготовка текстов
кандидата филологических наук С. М. Лойтер

Петрозаводск

Забывтые фразы

Ю. А. ГВОЗДАРЕВ,
доктор филологических наук

О необходимости знать прошлое языка, историю его слов и выражений, хорошо сказал Д. С. Лихачев: «...для языка нужна его история, нужно хоть чуточку понимать историю слов и выражений, знать идиоматические выражения, знать поговорки и пословицы. <...> Язык, отторгнутый от истории народа, станет песком во рту, негодный даже для создания новой научной и технической терминологии, ибо и для последней необходима образность, традиция...» (Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 417).

Действительно, многие выражения забываются, и настало время создания историко-этимологического словаря русской фразеологии, где было бы не только объяснение их происхождения, но и употребления в различные эпохи.

Приведенные далее заметки служат этой цели.

Стрень брень с горошком. Это забавное выражение употребилось в XVIII веке со значением «нечто несостоящее, неценное,

чепуховое»: «Отцовское-то у тебя именно *стрень брень с горошком*, так надобно самому наживать» (Н. Новиков. Письма к Фалалею. Курсив в цитатах мой.— Ю. Г.).

В Словаре русского языка XI—XVII вв. находим: *брение* — 1) глина, 2) грязь, тина (М., 1975. Вып. 1. С. 332).

Сочетание *стрень брень* в Словаре Даля дано одним словом — *стреньбрень* и толкуется как «хлам, скарбишка, всякая ветошь, ничтожные пожитки, дрянца с пылью». Здесь же приводится сочетание: «*Стрень брень на лычках* — дурная, непрочная сбруя». М. Фасмер также приводит сочетание как одно слово со значением «старье, хлам». И здесь же дано замечание О. Н. Трубачева: «...Скорее всего мы имеем здесь аллегорическую форму из первонач. *старьё берём!* — крик старьевщика».

А. И. Федоров, исследовавший развитие русской фразеологии в XVIII—XIX веках, писал: «Это толкование позволяет судить о подоснове содержания, внутренней форме, которая определяет ту же предметную соотношенность и стилистическую окраску, какую имел оборот *ни кола ни двора*. Отличия незначительные: в первом фразеологизме указание на наличие чего-то ненужного, бросового, во втором — на отсутствие существенного. Первый выражал большую степень иронии, насмешки. По-видимому, он редко употреблялся в живой разговорной речи, был полудиалектным, малопонятным. Поэтому он потерял экспрессивные возможности и не встречался в языке писателей XIX в. Второй, часто употреблявшийся в художественном стиле речи XVIII—XIX вв., сохранил свою выразительность и в современном русском языке, хотя содержание его теряет опору в фактах действительности» (Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX вв. Новосибирск, 1973. С. 140).

Слово *горошек* усиливает экспрессию выражения. Если учесть отношение к гороху в пословицах как к «несерьезному» продукту (*Горох да репа животу не крепя; Шут гороховый; Гороховое чуело*), то, может быть, этим и объясняется употребление *горошка* в данном выражении.

Притка (тебя) расшиби (возьми, прострели). Это выражение очень часто употреблялось в речи простого народа и в текстах писателей, рассказывающих об их жизни. Оно считалось бранным, но не очень: «У-у-у, чертенок, *притка тебя расшиби*, — зашипела она, увидя его, — черти-то тебя, прости господи, носят!» (С. Подъячев. Папаша хресный); «Эко грязь, *притка тебя возьми* (...), никак не отскоблишь» (Н. Успенский. Старуха).

Общее значение этого выражения (и его вариантов) со словом *притка* «пожелание наказания, беды, угрозы».

В Словаре М. Фасмера слово *притка* имеет такое определение:

«нечаянный случай, несчастье», также «болезненный припадок, истерия от наваждения, колдовства».

В Словаре Даля *притка* определяется как «внезапная болезнь <...> истерика или обморок <...> черная немочь или падучая». Приведены там и пословицы, в которых притка представлена как живое существо: «От притки не уйдешь; Эк тебя притка принесла! нелегкая сила. Притка его ведет! кто знает».

Скосырь выехал. В этом выражении непонятно слово *скосырь*. В известном «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского о нем говорится: «Неясно. По-видимому, сложн.: *с-косырь*; м. б. к *кос-коситься*: „смотреть косо, искоса“ в значении недружелюбно, неблагосклонно, злобно. Слово заслуживает внимания: оно довольно употребительно и довольно широко распространено».

В. И. Даль в своем Словаре приводит слова *скосырять*, *скосырничать*, поясняя: «фордыбачить, забиячливо щеголять, молодцевать, ухорски величаться <...> *Скосырь* — м. хват, ухорский щеголь и забияка».

Слово это употреблялось и вне сочетания *скосырь выехал* в двух значениях: одно из них объясняется текстом романа Мельникова-Печерского: «*Скосырь* — щеголь, а дальше от Волги на востоке слово это значит надменный, нагловатый человек» (В горах). В другом тексте романа «В лесах» оно употреблено этим писателем со значением «щеголь, франт»: «Погляжу я на вас,— с задорной улыбкой сказала ему Фленушка,— настоящий вы *скосырь* московский! <...> Мастер деvушек с ума сводить».

В «Бригадире» Фонвизина выражение *скосырь выехал* значит «хвастун, нахал объявился»: «Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, эдакой *скосырь выехал*».

Служить за козла на конюшне. Этот фразеологизм дополнял ряд выражений, определяющих бездельников (ср.: *бить баклуши*, *гранить мостовую*, *лежать на печи* и т. д.). Он активно употреблялся в народной речи и его приводит в Словаре В. И. Даль: «*Служить за козла на конюшне*, шататься без дела».

Козел не вызывал симпатии у славян, что и отразилось в выражениях *пускать козла в огород*, *драть козла* и т. д. В народе существовало мнение, что козел — прообраз дьявола и вообще «бесовское животное». Русская пословица так и говорит: *Козел да приказный — бесова родня*.

В. И. Даль в очерке «Домовой», где он обстоятельно описывает домового (конечно, на основе народных легенд), говорит о нем: «... особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щетки;

иногда он сядет ночью на коня и задает конец-другой по селу... В каких он сношениях с козлом, неизвестно; но козел на конюшне так же удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет, однако же, связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовый ездил на козле».

Итак, козла держали на конюшне, чтобы отпугивать домового. Но со временем люди убедились в надуманности страхов, и выражение приобрело иносказательное значение — «делать ненужную работу» и попросту «лодырничать».

Со всеми онёрами. В словарях слово *онёр* определяется так: «В некоторых карточных играх — козырная старшая карта, от десятки до туза». Отсюда и значение всего сочетания — «со всем, что необходимо» или «со всеми подробностями».

Первое значение встречалось чаще: «С н а ф и д и н а: Какой это пикник? Б а р б а р и с о в: Веселый, со всеми онёрами, с дамами» (А. Островский. Не от мира сего); «Не хочется уезжать в такую хорошую погоду. Вечер настоящей романтической, с луной, с тишиной и со всеми онёрами» (Чехов. В сумерках).

Второе значение встречалось реже: «Я рассказал ей историю Софьи Семеновны, даже со всеми онёрами, ничего не скрывая» (Достоевский. Преступление и наказание).

Лапти плести. Этот фразеологизм отмечен в Словаре В. И. Даля: «Он лапти плетет, путает; Путает, словно кашу в лапти обувает».

Слово *лапти* участвует во многих фразеологизмах и пословицах. Это, конечно, не случайно: лапти были национальной обувью русского крестьянина в прошлые века. Они имели и символический характер, в частности противопоставлялись сапогам: *Правда в лаптях, а кривда хоть и в кривых, да в сапогах; Лапоть знай лаптя, а сапог сапога. Лапти означали простоту и примитивность (Не лаптем щи хлебает).*

Известный этнограф С. Максимов писал: «*Лапти плести* в иносказательном смысле собственно значит путать в деле и в разговоре. Так по крайней мере понимает сельщина и деревенщина <...> В городах применяют это выражение к тем, которые медленно, вяло и плохо работают, и применяют, пожалуй, также основательно, так как самый хороший и привычный работник на заказ успеваает приготовить в сутки лаптей не больше двух пар».

В художественной литературе XVIII—XIX веков выражение это имело только отрицательное значение: «Вы, ваше превосходительство, в карты лапти изволите плести; где же это видно, чтоб с короля козырять, когда у меня туз один» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Щипать корпию. Бывает так, что писатель или поэт вдруг использует слово, давно устаревшее и, если не поясняет его, текст становится непонятным. Так, Николай Рыленков написал в 1942 году:

Прошедшим фронт, нам день зачтется за год,
В пыли дорог сочтется каждый след,
И *корпией* на наши раны лягут
Воспоминанья юношеских лет.

Для нашего времени слово *корпия* архаизм. *Корпией* называлась растрепанная ветошь, которую использовали вместо ваты при перевязках. В таком значении встречаем выражение *щипать корпию* у Л. Толстого: «Отвернувшись и как будто не слушая, матрос *щиплет* у себя на подушке *корпию*» (Севастопольские рассказы). Однако выражение это употреблялось и с переносным значением как фразеологизм, означающий предчувствие грозящей войны: «Ни я, ни вы, благосклонный читатель, не принимали непосредственного участия в этом деле, и, следовательно, нам не ставалось принять этот факт как совершившийся, и посоветовать нашим женам и сестрам *щипать корпию* в ожидании моря рови...» (Станюкович. В мутной воде).

Слово *корпия* заимствованное, но из какого языка, точно не установлено: одни полагают, что из латинского, другие — из немецкого.

Возводить в перл создания. В этом сочетании, активно употреблявшемся в XIX веке, использованы высокопоэтические слова: *возводить* — «поднимать, возвышать», *перл* — «жемчужное зерно, жемчуг» (от франц. — *perle*), а также «лучший образец, нечто выдающееся» (Словарь современного русского литературного языка. В 17 т.) Отсюда и значение всего выражения «наделять кого-то или что-то самыми высокими качествами»: «Много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и *возвести ее в перл создания*» (Гоголь. Мертвые души); «Вы летом этого мне не говорили, Василий Васильевич? — про-толвила Аглая Петровна. — Да разве нужно трубить о своих грехах? — Значит, и нас грешных когда-нибудь опишете? — Вас особым удовольствием, Аглая Петровна, *возвел бы в перл создания*» (Станюкович. Жрецы).

В наше время выражение считается архаизмом.

Обвести мертвой рукой (корнями, кругом). В старые времена разбойники носили с собой «мертвую руку», т. е. отрубленную руку человека, чтобы обводить ею спящие жертвы. Это должно было служить гарантией того, что спящий не проснется, пока не будут грабить. В основе этого действия, естественно, лежала

вера в магию. А во фразеологии выражение приобрело значение «заворожить, отвлечь».

Это выражение входит в ряд ему подобных: *обвести корнем*, *обвести кругом*. Они связаны с обрядом, по которому обвести что-либо кругом означало предотвратить беду, обеспечить независимость от чего-то, спасти от чего-то; например, эпизод из повести Н. Гоголя «Вий», когда бурсак Хома, спасаясь от нечистой силы, очертил себя кругом.

Для подобных обрядов использовались часто корни и травы «Процессы о вынутых травах, корнях, заговорных письмах и других волшебных снадобьях составляли в XVII веке обыкновенное явление» (Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу).

Выражение *обвести корнями* употреблялось и в литературе; например, у Мельникова-Печерского: «Ах, Фленушка, Фленушка! *Корнями* что ли *обвела* ты меня, заколдовала что ли, злодейка, красотой своей» (В лесах).

С магией колдовства связано и современное выражение *заколдованный круг* «безвыходное, трудное положение», т. е. опять-таки идея изоляции, отчуждения, но уже изнутри, когда не видно выхода: «Разумеется, повторил он [Вронский], когда в третий раз мысль его направлялась опять к (тому же *заколдованному кругу* воспоминаний...» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Болезни нет никакой, а просто я попал в *заколдованный круг*, из которого нет выхода» (Чехов. Палата № 6).

Коко с соком. Это рифмованное выражение окончательно забыто. Если другие нет-нет да и встретятся вдруг у какого-то писателя, это не встречается. Не найти его и в словарях современного языка. А в текстах XVIII—XIX веков оно употреблялось нередко: «Х и т р о л и с: Она не стара и не дурна и принесет с собой *коку с соком*. Не думайте долго, а соглашайтесь...» (Г. Державин. Рудокопы); «...а люди стали нынче тоже, ох, не дураки: коли он видит, что тебе нужен, так уж всю *коку с соком* выжмет из тебя» (Писемский. Тысяча душ).

«Словарь Академии Российской» определил слово *кока* как простонародное название яйца. Но это не проясняет смысл выражения и его образную основу. В. И. Даль приводит *кока с соком* как «богатство, достаток». Употреблялось это выражение вначале в связи с деньгами, а затем получило более отвлеченное значение «выгода, доход»: «Ах, родные мои! Ах, благодетели! Вспомнила-таки про старуху, сударушка! — дребезжащим голосом приветствовала она нас, протягивая руки, чтобы обнять матушку — <...> Слышала, сударушка, слышала! Купила ты *коко с соком* [речь идет о покупке имения.— Ю. Г.]» (Салтыков-Щедрин. Пшехонская старина).

Можно полагать, что выражение это родилось из пословицы. В сборнике пословиц, составленном Богдановичем, приводятся такие, например: *Как есть у Фоки коко с соком, вотрется Фока всюду боком.*

Меледу меледить. У В. И. Даля *меледа* «мешкотное дело, работа без конца, бесконечное одно и то же, работа, из которой ничего путного не выходит; длительная, однообразная забава». А глагол *меледить* он определяет как «медлить, мешкать», считая, что он образован от «молоть». В Словаре приводится и пример употребления выражения: *«Домеледил до вечера. Промедлил весь день».*

Слово *меледа* было очень распространенным в русских народных говорах, где оно употреблялось с разными значениями. В их числе есть «вздор», «пустяки», «праздное проведение времени». Это значение и имеет выражение *меледу меледить*.

Этимологически слово *меледа* неясно, скорее всего оно образовано от слова *медлить*. «Фразеологический словарь русского языка» (под ред. Молоткова) его не приводит, а в Словаре современного русского литературного языка слово *меледа* определяется так: «старинная игра, состоящая в многократном снимании и надевании колец на металлический стержень». Указывается и его переносное значение «какое-либо пустяковое дело, требующее много времени»: «Не знаю я, сколько в этом доблести, а по-моему, вдвое больше в этом *меледы*» (Лесков. Соборяне).

Ростов-на-Дону

Н. С. АРАПОВА,
кандидат филологических наук

Термин изобразительного искусства *светотень* не был, насколько нам известно, объектом этимологического исследования. В автореферате кандидатской диссертации В. Н. Сергеева «Терминология изобразительного искусства в русском языке XIX—XX вв.» (Л., 1964) говорится о значении этого слова, морфологической структуре и времени его появления в русском языке (без дат и отсылок к конкретным памятникам). Однако, несмотря на прозрачность внутренней формы, термин *светотень* заслуживает внимания этимолога. В истории формирования этого термина причудливо переплетаются элементы калькирования, заимствования и словообразования.

Существительное *светотень* возникло для передачи французского *clair-obscur* «светотень», буквально «светлый-темный», которое калькирует итальянское *chiaroscuro* «светотень», образованное сложением *chiaro* «светлый, ясный» и (*o*)*scuro* «темный, мрачный» (Dauzat-Dictionnaire étymologique de la langue française par Albert Dauzat. Librairie Larousse. Paris, 1938—1954). По данным Словаря современного русского литературного языка (М.—Л., 1948—1964), слово *светотень* впервые отмечается в Словаре Академии Российской (СПб., 1847). Однако русские живописцы и люди, интересующиеся искусством, были знакомы с этим понятием еще в XVIII веке: «Светлые и темные (свет и тень) места на сей картине весьма изрядно сделаны, умеренно поставлены» (Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу асессора Сергея Волчкова. СПб., 1755—1764. Ч. I—II); термин *свет и тень* находим в «Основательном и ясном наставлении в миниатюрной живописи» (М., 1765); в «Историческом словаре Ладвоката» 1769 года читаем: «...он имел совершенное понятие о *светло-темном* (*clair-obscur*)». В последнем случае мы имеем точную кальку французского термина.

Однако словосочетание *свет и тень* и сложное прилагательное

светло-темное из-за своей громоздкости неудобны (термины всегда стремятся к известной компактности). Поэтому на рубеже XVIII—XIX веков появляется заимствование *клеробскюр*: «Как соблюден клер-обскюр!» (Путешествие дю-Пати в Италию в 1785 году. Перевод с франц. СПб., 1800—1801. Т. 1—2); «Клеробскюр, свет и тень в живописи» (Татищев И. И. Полный французско-русский словарь. М., 1816. Т. I); «...клеробскюр, светлые места и тени на картине» (Там же. Т. II).

Но галлицизм *клеробскюр* тоже не удержался в русском языке. Параллельно ему существовало слово *светлотень*, возникшее в конце XVIII века: «Clair-obscur. Светлотень, наука согласно располагать свет и тень» (Татищев И. И. Полный французский и российский лексикон. Изд. 2-е. СПб., 1798). Существительное *светлотень* — неточная калька французского *clair-obscur*: элемент *светло-* точно переводит французское *clair*, но слово *obscur* не имеет во французском языке значения «тень». Как прилагательное *obscur* значит «темный, мрачный, пасмурный», как существительное — «неизвестный, безвестный человек». Однако в русском языке слова *тень* и *темнота* достаточно близки по значению, чтобы можно было употреблять первое вместо второго. Существительное *светлотень* довольно долго держалось в русском языке, вплоть до 30—40 годов XIX века: «...светлотень (hell-dunkel, clair-obscur), высшая красота колорита...» (Бахман. Всеобщее начертание теории искусств. Перевод с нем. М., 1832—1833. Т. II).

Наряду со словом *светлотень* существовало синонимичное *тьмосвет* (Галич А. Опыт науки изящного. СПб., 1825; Лангер В. Краткое руководство к познанию изящных искусств, основанных на рисунке. СПб., 1841).

Принятый в настоящее время термин *светотень* по имеющимся в нашем распоряжении данным впервые отмечается в журнале «Московский телеграф» (М., 1828. № XXII): «Сны Ж. Поля облечены какою-то таинственною свето-тенью (clair obscur)...»; мы находим его также в «Художественной газете» (СПб., 1836). Таким образом, существительное *светотень*, прежде чем его окончательно «узаконил» Словарь Академии Российской 1847 года, по крайней мере двадцать лет существовало в русском литературном языке.

Слово *светотень* представляет собой старое терминологическое словосочетание *свет и тень* «светотень», широко известное с середины XVIII века. *Свет и тень* и *светотень* не являются кальками французского *clair-obscur*, поскольку русскому *свет* соответствует французское *lumière* или *jour*, а слову *тень* — французское *ombre*. Русское *светотень* нельзя считать и калькой

немецкого *Helldunkel* «светотень». Немецкий термин — точная калька французского *clair-obscur* (*Der grosse Duden* (in 9 Bänden). В. 7. Etimologie. Mannheim (Wien) Zürich): *hell* «светлый», *dunkel* «темный» (*свет* по-немецки *Licht*, *Schein*, *тень* — *Schatten*). Но если в немецком и французском языках слова со значением «свет» и «светлый» словообразовательно не связаны между собой, в русском языке дело обстоит иначе. Русское существительное *свет* и прилагательное *светлый* связаны между собой словообразовательными узлами, а *тень*, *темный* и ныне близки по значению (*тенями* в живописи и графике называются более темные фрагменты картины или рисунка). Поэтому первоначальный перевод французского *clair-obscur* как *свет и тень* очень точен и может считаться семантической калькой, тогда как термин *светло-темное*, зафиксированный в «Историческом словаре», является словообразовательной калькой.

Интересно отметить, что славянские языки передают понятие *светотень* так же, как и русский, т. е. *свет + тень*: *світлотінь* (укр.), *светацень* (блр.), *światłocien* (польск.), *světlostin* (чешск.), *светлосянка* (болг.), в то время как в других европейских языках преобладает французско-итальянская модель, т. е. *светлое + темное*: *claroscuro* (испанск.), *кларобскур* (молд.), *Helldunkel* (нем.), *svesótamsa* (лит.).

195 лет Пушкину
или
195 лет со дня рождения Пушкина?

*Н. А. ЕСТЬКОВА,
кандидат филологических наук*

Первый способ выражения естественно использовать, когда отмечается прижизненная дата, второй — когда речь идет о посмертном юбилее. На практике строгого разграничения не сложилось. Вполне можно услышать: «Сегодня исполнилось 50 лет со дня рождения...» в присутствии юбиляра.

В то же время стало едва ли не модным изъясняться так: «Такого-то числа такому-то исполнилось бы столько-то лет». Формула эта тем менее уместна, чем больше лет «исполнилось бы» имяреку. И не случайно ее пародировал автор 16-й полосы «Литературки» Андрей Кнышев: «Сегодня известному восточному мыслителю и поэту Абулькасиму Фирдоуси исполнилось бы 1050 лет...» (Лит. газета. 1991. 5 июня). А это уже не пародия: «19 мая исполнилось бы 80 лет со дня рождения Наталии Иосифовны Ильиной» (Лит. газета. 1994. 25 мая).

Так не лучше ли последовательно разграничивать эти две словесные формулы: «исполнилось столько-то лет такому-то» (если дата отмечается при жизни) и «исполнилось столько-то лет со дня рождения такого-то» (если юбилей посмертный)?

Грани зеркала

От „мы“ к „Вы“

З. З. КИКВИДЗЕ

«... личные местоимения выражают не только наш „личный“ взгляд на мир, не только наше собственное отношение к другим источникам беседы, личные местоимения являются еще как бы крохотным зеркалом, в котором отражается система общественных отношений».

А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка

В любом языке есть слова, выбор которых при общении определяется социальным положением участников диалога. В некоторых языках (например, в японском, корейском) формулы этикета могут выражаться морфологически, тогда как в европейских языках, в том числе русском, главная роль в таких случаях отводится личным местоимениям.

Известно, что *вы* употребляется вместо *ты* при обращении к старшему, официальному или незнакомому лицу. Следует отметить, что *вы* не является формой множественного числа местоимения *ты*, как это отмечено у Е. С. Павловой (Русская речь. 1992. № 2. С. 111). Это тоже известно. Но главный вопрос состоит в том, почему для вежливого обращения употребляется именно это местоимение. Для получения правильного ответа нам надо обратиться еще к одному местоимению: *мы*. Оговоримся, что и оно не является формой множественного числа местоимения *я*, но в научных текстах, как правило, употребляется *мы* вместо *я*, и здесь присутствует фактор скромности автора. Царские особы тоже употребляли *мы* вместо *я*, но здесь адресант облакал себя атмосферой величия: «...в устах монарха местоимение *мы* звучало официально-торжественно: „Мы, Николай Первый...“» (Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989. С. 91).

Не ответив пока на первый, мы должны поставить еще один вопрос: почему именно *мы* употреблялось вместо *я* в таких случаях?

В указанной выше статье Е. С. Павлова пишет: «Говоря о себе *мы*, правитель выступал как представитель некоей общности, выразитель интересов рода — т. е. за его *мы* стоит

воля его народа» (с. 111). Трудно согласиться с этими словами, тем более, что автор сама говорит об «официозной традиции, пришедшей из Византии», а в Византию эта традиция пришла из Рима. Именно в Риме зафиксировано впервые употребление «царского *мы*» (3-й в. н. э.). Во главе римского государства стояло несколько лиц и, естественно, в указах они себя упоминали во множественном числе. Но когда на престол поднялся только один человек, он тоже обозначил себя множественным числом. Отсюда и вошла эта традиция в европейские дворы, а через Византию — в Россию.

Тот факт, что *мы* (вместо *я*) употребляется в разных целях в царских документах и научных текстах, можно квалифицировать как различие в социо-стилистическом регистре.

Имея ответ на второй вопрос, можно смело попытаться ответить на первый: если монарх о себе говорил *мы*, то резонно было бы предположить, что именно это обстоятельство обусловило обращение к нему на *вы*. И это так и есть.

Позже, после расширения сферы употребления обращения на *вы*, оно стало писаться с прописной буквы (*Вы*) (см.: Чельцова Л. К. *Вы и Ваш*//Русская речь. 1988. № 2). Этот прием применяется и в других языках, например, в немецком.

Выше отмечалось, что *мы* и *вы* не являются формами множественного числа местоимений *я* и *ты*, но у них есть содержание множественности, из-за чего в предложении глагол-сказуемое принимает форму множественного числа: «Мы читаем, Вы читаете, Мы (Вы) читали...». Бесспорно, что когда мы имеем авторское «мы» и вежливое «Вы», в глаголах эти суффиксы (-м, -те, -ли) обозначают уже не множественность, а субъективную оценку. Значит, не только в восточных языках имеется возможность выразить вежливость грамматически (об этом см.: Киквидзе З. К. выделению грамматического эвфемизма (на англ. яз.)//Bulletin of Kutaisi University. 1993. № 2).

На адекватное описание таких языковых форм указывал один из величайших лингвистов XX века Роман Якобсон: «Тщательное и точное научное описание языка не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседниками с точки зрения их социального положения, пола или возраста; определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему (Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 382).

Кутаиси, Грузия

КАК ГОВОРИЛИ В МОСКВЕ

Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

«Речевые одежды Москвы» — статья с продолжением, опубликованная М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой в №№ 2—3 журнала «Русская речь» за 1994 г., очень порадовала глаз и слух лингвиста, потомственного москвича. Слух здесь играл не последнюю роль, так как большинство из приведенных примеров «звучали» со страниц журнала. Это живое слово о живой речи города, и воспринимается оно живо и весело. Надо пожелать «авторкам» (как говорят поляки) продолжить наблюдения и публикации, помня, что записанное сегодня — завтра уже история.

Очень привлекательны устная реклама, зазывы и объявления (они ведь и должны быть таковыми!). К ним хочется добавить из зазывов 30-х годов: «Морожено, горяче морожено!» — кричал торговец, развозя по московским переулкам на тележке в большом бидоне мороженое. Оно выдавалось ребятишкам и любителям-взрослым в виде лепешки с кружочками вафель с двух сторон и стоило копейки.

А кто застал еще в Москве извозчиков, тот, может быть, помнит типичное приглашение: «Садись, барин (барыня/барышня), подвезу!» Ну, а уж если вспомнить о лошадях, то уморительны были (на детский взгляд) соломенные шляпы на них с дырочками для ушей. «Карнавала» в этом не было, а была забота о лошадиной голове в жаркие московские лета.

На вопрос посетителя столовой или рестораника: «А вкусный ли борщ?», «Хороши ли сегодня котлеты?» повар отвечал: «За вкус не берусь, а горячо будет!» Это вызывало улыбку, сомнения рассеивались.

Что касается московской речевой фонетики, то я и до сих пор почти во всех случаях заменяю *-н-* на *-ин-*: *конешно*, *молошник*, *лотошник*, *горчишник*, но вот *коришневый* не скажу, а только *коричневый*. Растяжка *а* предударного и вообще речь с «расстановочкой» также для меня характерна.

И еще немного о московском просторечии, которое проявлялось и до сих пор сохраняется в названиях церквей. В городе было множество одноименных храмов, что было связано с особенно

чтимым святым, православным праздником или иконой. Так, Никольских церквей было около 150. Почти все церкви имели дополнительные названия по местоположению в городе — своеобразный адрес, хорошо известный москвичам. Традиция эта была древняя, еще в летописи под 1476 г. упоминается «церковь святого мученика Никиты, иже за Яузой»; позднее — *Никита, что за Яузой, храм Никиты за Яузой*. Говорили и говорят: *Троица в Никитниках, Спас на Борю, Покровá/Покров в Рого́жской* (имеется в виду слобода), *Воскресение в Кадаша́х* и т. п.

Сокращение полного названия церкви доходит иногда до указания только адресной части: «был в Ело́хове на службе» (вместо: в Богоявленском соборе в Елохове); «хорошо пели на Маросейке» (вместо: в храме Святителя Николая в Клениках на Маросейке); «пойду к заутрене в Обыденный/к Обыденному» (вместо: в храм Пророка Ильи Обыденного).

Эту характерную для Москвы черту именования церквей заметил писатель Степан Петрович Жихарев (Записки современника: Дневник студента. Л., 1989. Т. 1. С. 163): «„О чем вы задумались?“ — шутя спросил я сегодня Петра Ивановича... — „А вот, любезный, о чем я думаю,— пресерьезно отвечал мне Петр Иванович.— У какого Николы завтра слушать обедню? У Николы Явленного, у Николы Дербенского, у Николы Большой Крест, у Николы Красный Звон, у Николы в Щепáх, у Николы в Столпáх, у Николы в Кошелях, у Николы в Драчах, у Николы в Воробине аль у Николы на Болвановке, у Николы в Котельниках или у Николы в Хамовниках? Ко всем не поспеешь; а поехать к одному, так чтобы другие причты не обиделись. Все приглашали на храмовый праздник и угощение“. Вот подлинно душа-то ангельская!

„Я так завтра отправляюсь к Николe на Курьих Ножках; там у Лобковых три праздника...“». Все названные С. П. Жихаревым церкви существовали. Интересны в этом отрывке и просторечные формы московских топонимов, например «на Щепáх» — урочище, позднее Николощеповские переулки; Никола Дербенский или «что в Дербéни» — также по урочищу; Никола в Столпáх или у Столпа указывает на единственную в Москве колокольню с 48 отверстиями — слухами, сейчас это Армянский переулок, а в XVIII веке назывался Никольским и Столповским.

«И ЦЕЗАРЬ НЕ ВЫШЕ ГРАММАТИКОВ»

А. А. КРЕТОВ,
доктор филологических наук

Представим себе на минуту, что Государственная Дума России принимает закон, которым предписывается на всех языках, пользующихся латинской графикой, писать название столицы России не иначе, как *Moskva*. А вообразив такое, давайте попытаемся представить реакцию, например, англо-, франко-, германо- и испаноязычных народов и государств на такое постановление российских законодателей. По-видимому, первым их побуждением была бы попытка объяснить незадачливым законотворцам, что их власть не может распространяться на территорию других стран. Если же и это не возымело бы успеха, то такой закон можно было бы расценивать как попытку вмешательства во внутренние дела других государств и узурпации чужой юридической компетенции. И уж конечно, никто из англоговорящих не бросился бы исправлять в энциклопедиях, географических картах и справочниках, в учебниках и художественных произведениях *Moscow* на *Moskva*. Скорее всего, они рассудили бы так: если уж вам так хочется, пишите у себя в России *Moskva* — это ваше дело, но уж другим будьте любезны не указывать, как им пользоваться их родным языком.

Проведенный мысленный эксперимент может показаться надуманным, но он имеет под собой реальную основу. Так, в разгар перестройки в Эстонии постановили, что слово *Таллин* надо писать (по-русски!) с двумя *нн*. И произошло удивительное: оказалось, что юрисдикция Эстонской ССР распространяется не только на территорию Эстонии, но и на всю территорию Советского Союза. Пример подало Центральное телевидение, познакомившее прочие народы СССР с нововведением Эстонской ССР и начавшее писать *Таллинн* с двумя *нн*. А затем так стали писать все «русскоязычные» газеты, а за газетами — издательства. Так, при переиздании «Звездного билета» В. П. Аксенова в серии «Оттепель» написание *Таллин* везде было исправлено на *Таллинн*. Подчеркнем, что на этот счет не принималось постановлений ни союзными, ни российскими властями.

Пример эстонцев оказался заразительным, и вскоре Ашхабад

стал Ашгабадом, Алма-Ата превратилась в Алматы, Белоруссия и Молдавия стали Белорусью и Молдовой, Киргизия — Кыргызстаном, а Башкирия — Башкортостаном. Этот список может быть продолжен. Дело не в его полноте, а в том, что стоит за этим топонимическим беспределом.

В условиях угрозы распада СССР безоговорочное принятие постановления эстонских властей на всей территории СССР можно было понять как политику по принципу «чем бы дитя ни тешилось», только бы не отделилось. Но чем объяснить продолжение этой сверхконъюнктурной политики в области русского языка в то время, когда Эстонская ССР стала независимой Эстонией, Советский Союз распался, Россия получила, наконец, собственную государственность и собственную Академию наук?

В большинстве цивилизованных стран языковое устройство и языковая политика являются компетенцией Академии наук. Ей и надо предоставить исключительное право решения всех вопросов правописания, а не оставлять их на откуп практическим работникам средств массовой информации, у которых хватает дел и без решения собственно лингвистических проблем. Руководством для практических работников должны быть нормативные словари и справочники, издаваемые под эгидой Академии наук.

Как решаются подобные вопросы другими народами? Можно сослаться на пример финнов. Как известно, Финляндия долгое время находилась под владычеством Швеции, что сказалось на ее топонимии. Когда Финляндия обрела независимость, то финны не пытались обязать шведов называть столицу Финляндии финским именем Хельсинки вместо шведского Гельсингфорс. Можно привести множество примеров, когда одни и те же географические объекты на разных языках имеют совершенно разные названия, и это никого не смущает, ибо известно, что каждый язык — это обособленная сложноорганизованная система, в которой существуют свои законы, и попытки навязать другому языку чуждую для него форму — тщетны, потому что ни один язык никогда не подчинится чужому правилу.

Недаром древние говорили: «И цезарь не выше грамматиков».

Воронеж

БЕЛЯНИН В. П., БУТЕНКО И. А. Толковый словарь современных фразеологизмов и присловий

В последнее время в русском языке очевидна тенденция к демократизации: просторечные и жаргонные выражения слышатся и в речи поэтов, и в речи политиков, и в радио- и телепередачах, попадают на страницы периодических изданий. Не замечать этого процесса при анализе современного состояния русской речевой культуры уже просто невозможно.

Во многих странах существуют словари жаргона, арго, языка хиппи, музыкантов и т. п. Издаются разнообразные сборники алогичных высказываний политических деятелей, сценических оговорок и т. п. На русском же языке этого изобилия пока нет, однако намечается процесс лексикографического восполнения многих пробелов.

Из последних изданий подобного типа особого внимания заслуживает «Толковый словарь современных фразеологизмов и присловий» (составители В. П. Белянин и И. А. Бутенко.— М., 1993). Он представляет ценность не столько по объему (хотя в нем свыше 1110 выражений), что выгодно отличает его от подобных изданий последних лет, сколько по содержанию. Впервые собраны и кратко истолкованы устойчивые, часто повторяющиеся в типичных ситуациях разговорные фразеологизмы и присловья, классифицируемые по жанрам разговорной речи. К числу таких жанров авторы-составители словаря относят пословицы, поговорки, диалоги, «покупки», похвалы, ругательства, дразнилки, побасенки, пустоговорки, аббревиатуры, макароническую речь.

Поскольку такое жанровое деление разговорной речи довольно непривычно для лингвистов, целесообразно привести те определения, которые дают этим речениям В. П. Белянин и И. А. Бутенко, во многом развивая традиции, заложенные Г. Л. Пер-

мяковым в изучении пословиц и поговорок и их классифицировании (Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988).

Традиционным в паремиологии является выделение пословиц и поговорок, которые, казалось бы, достаточно полно отражены в многочисленных словарях. Понимая под пословицами законченные стандартные выражения с обобщенным значением, авторы убедительно доказывают, что огромное число их в современной речи оказалось за пределами существующих словарей (*Красиво жить не запретишь; Всякая инициатива должна быть наказуема*). Широко представлены в Словаре и популярные переделки общественных пословиц (*Не откладывай на завтра то, что можно/сделать послезавтра/съесть сегодня*) — явление, практически также впервые освещаемое в отечественной лексикографии.

Достаточно традиционным жанром устной речи являются *поговорки*, определяемые в настоящей работе как устойчивые словосочетания, не имеющие формы предложения (*Как в лучших домах Лондона и Конотопа; Комбинация из трех пальцев*).

Диалог рассматривается авторами как последовательность двух и более реплик разных собеседников. Но в то же время материалы словаря показывают, что ответная реплика — это не только ответ на часто задаваемый вопрос (Где? Куда? Кто?), но и ответ на оскорбление. Интересно, что в таком случае в нем нередко содержится неприятие оскорбления, но не превращающее его при этом в перепалку (*— Нахал! — Я не махал, а дирижировал. — А я тебе не аплодировал*). Эта часть диалогов является собой как бы ритуальный обмен репликами, которые могут быть заранее известны обеим сторонам.

«*Покупки*» (очевидно, от разговорного значения слова «купиться» — обмануться) в Словаре определены как «обманные реплики, разновидность шуточного диалога», при котором один из собеседников рассчитывает на некоторую содержательную интерпретацию своего ответа на заданный вопрос, а другой обращает дело в шутку (*Как расшифровывается ДУНЯ — знаешь? — Нет. — Дураков у нас нет. — А «Я»? — Про тебя-то и забыли*). Авторы справедливо обращают внимание на то, что «покупка» основана на переосмыслении привычных значений слов и нарушении тех ожиданий слушателя, которые с ними связаны.

Похвала в трактовке составителей обычно начинается со слова, имеющего положительную окраску, но нередко оно превращается благодаря иронии в оскорбление, а то и является таковым по замыслу говорящего (*профессор кислых щей и составитель ваксы; умный, только худенький*). Очень важно, что авторы Словара смогли четко выявить в потоке речи этот особый

жанр, специфичный не только по лексическому наполнению, но и особо оформляемый интонационно. Немало в русской речи, судя по словарю, и развернутых по форме похвал, вторая часть которых нередко уничтожает весь положительный смысл, заключенный в начале выражения (*Молодец! В Москву поедешь, галлоши купишь!*; *Молодец/Молоток! Подрастешь, кузалдой будешь!*).

Угроза является указанием на возможное применение физической силы (*Как дам в лоб — в трусы проскочишь!*; *Сейчас в стенку влетишь — мама с папой будут ложкой отковыривать и хоронить в кастрюльке!*). Вполне обоснованно к угрозам отнесены и выражения в форме оскорбительного вопроса (*Тебе трусы в коленках не жмут? В очках ноги не потеют?*).

Дразнилками считаются слова, устойчиво употребляемые при каких-либо именах, прозвищах (*Дашка-промокашка; Зинка-резинка*).

Авторы справедливо отмечают, что многие из перечисленных жанров используются преимущественно в детской речи, хотя имеют распространение и в речи взрослых с невысоким образовательным уровнем или людей, общающихся в неформальной обстановке.

Вообще проблема детской речи в том ее плане, как она анализируется К. И. Чуковским в его замечательной книге «От двух до пяти», на мой взгляд, в русской филологии почти не изучена, и собранный в Словаре материал дает полное основание для дальнейшей, собственно филологической, разработки проблем усвоения родного языка и творческого отношения к нему.

В живой речи, отраженной В. П. Беляниным и И. А. Бутенко, богато представлены также примеры *макаронической речи* (*Майне кляйне поросенок ин дер штрассе побежал*) — жанра, практически обойденного вниманием лингвистов. Что важно, в Словаре есть указание на язык, который пародируется или имитируется, что говорит о высокой лексикографической культуре рецензируемого издания. Такого рода сведения позволяют делать далеко идущие выводы о взаимодействии культур, об образе другой нации в русском языковом сознании и т. п.

Еще один жанр, выделенный в Словаре, — это *аббревиатуры*. Авторы тонко чувствуют нюансы содержания и формы высказывания, поэтому в словаре отражены три вида аббревиатур, существующих в устной разговорной речи. Во-первых, это шуточная, отличная от общеизвестной расшифровка существующих сокращений (*ВУЗ — Выйти Удачно Замуж*). Во-вторых, это трактовка общеупотребительных слов и имен собственных как аббревиатур и их шуточные расшифровки (*ГОРБАЧЕВ — Граждане, Обождите Радоваться: Брежнева, Андропова, Черненко Еще Вспомните*).

И в-третьих, это создание новых аббревиатур из разговорных высказываний (*Агентство ОБС — Одна Баба Сказала; КВД — Куда Ветер Дует*).

Пустоговорки определяются в словаре как высказывания, выполняющие междометные и фатические функции («*Так*», — *сказал бедняк/и горько заплакал//и полез на печку; Вот такие вот пироги с котятками. Их ешь, а они пищат.*).

Обильно представлены в словаре и *побасенки* — высказывания, возникающие в результате добавлений, дополнений к общеизвестным высказываниям, нередко — пословицам. Эти добавления оказываются как бы комментариями к исходному слову или выражению, оформляемому как прямая речь («*Посмотрим*», как *сказал слепой, «Услышим*», — как *сказал глухой; Да будет свет, сказал монтер и вынул спички из кармана/на полу развел костер*).

Трудно переоценить всю важность титанической работы авторов по сбору, обобщению и классификации такого богатого и разнообразного материала, их языковое чутье и филологическую эрудицию. Понятно и стремление успеть зафиксировать быстро меняющуюся фразеологию русского языка.

Авторам в полной мере удалось показать разнообразные и многочисленные меткие разговорные выражения во многих типичных ситуациях общения, не выходя за пределы обозначенных в Словаре ограничений. Здесь корректно перечисляются лексико-синтаксические синонимы и варианты высказываний. Предложенные толкования убедительны и немногословны, что является еще одним из многих достоинств Словаря.

Судя по информации, даваемой в этой книге, в настоящее время готовится второе издание Словаря, в связи с чем хочется высказать несколько пожеланий.

1. Прежде всего следует четче разработать критерий заголовочного слова, т. е. определить, какое слово является ключевым (доминантой) в словосочетании или выражении и тем самым заголовочным в словаре. Впрочем, это крайне сложно, и в имеющихся словарях такого рода на других языках, по мнению ряда лексикографов, нередко оказывается крайне субъективным и, следовательно, спорным.

2. В Словаре отсутствуют территориальные пометы. Очевидно, что разговорная речь или по крайней мере какая-то ее значительная часть очень различается по регионам, отдельным городам и даже районам города. Рискну предположить, что Словарь отражает в основном разговорную фразеологию Европейской части России. Впрочем, это вовсе не уменьшает значения Словаря для русского языка в целом.

3. Хотелось бы более четкого определения авторского отношения к включенным в Словарь высказываниям, содержащим мат. Разумеется, взявшись за непредвзятую фиксацию живой непринужденной речи, нельзя обойтись без грубых выражений или нецензурных слов. Возможно, имеет смысл давать их с отточиями не столько из ханжеских соображений, сколько для оживления читательской активности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: «Толковый словарь современных фразеологизмов и присловий» — не просто справочник, но и любопытная книга, которую увлекательно читать.

Благодаря серьезному научному анализу и кропотливому труду авторов Словарь найдет своего благодарного читателя, он понравится всем, кто ценит и любит меткое слово и будет, безусловно, полезен не только студентам-иностранцам и преподавателям русского как иностранного, но и этнографам, социологам, психологам, культурологам, историкам.

*В. В. Дубичинский,
кандидат филологических наук
Харьков, Украина*

ВЕСЕЛОВ П. В. Аксиомы делового письма:
культура делового общения
и официальной переписки

Сегодня знания о деловом письме и его особенностях необходимы не только в промышленной сфере, но и во всей разнообразной активно развернувшейся предпринимательской деятельности в России, других странах ближнего зарубежья. Поэтому так актуальна эта книга, вышедшая в 1993 г. (М., ИВЦ «Маркетинг»). Среди задач лингвистики, выдвинутых в последнее десятилетие, одно из центральных мест занимает изучение и лингвистическое описание небольших подсистем делового языка, какой является и подсистема делового письма, включающая организационно-распорядительную документацию. Необходимость автоматизации управления и, в первую очередь, автоматизации работы с документами тоже определяет потребность в этой книге.

Как и во всех предыдущих изданиях (1968, 1970), концептуальная установка автора заключается в том, что стиль деловой переписки характеризуется высокой статичностью, связанной с необходимостью длительного хранения всей документации как архива, «памяти» какой-либо организации, юридического лица. Исходя из этой установки, стандартизацию официального письма П. В. Веселов рассматривает «...не столько как канонизацию конкретных выражений, сколько как стандартизацию их моделей» (с. 7). Задача автора — показать такие образцы стандартизации языка делового письма и, в частности, деловой переписки.

Книга содержит 26 глав, включая «Обращение к читателю» и «Краткий словарь делового человека». Условно эти главы можно объединить в три части. Первая часть в целом посвящена языковым стандартам официальной переписки, их типологии и включает главы: «О языковых стандартах официальной переписки» (в этой главе выделены формальные аспекты официального письма, определена логическая направленность его структуры «как реализация всех смысловых аспектов делового письма», дана краткая характеристика устойчивых логических форм на языковом уровне), «Бланки, формуляры, реквизиты» (здесь дана характеристика бланка и реквизитов и их значения для унификации оформления документов, анализируется соотношение между фор-

муляром и реквизитом), «Типовые и трафаретные письма», «Классификация писем».

Вторая часть содержит собственно языковой анализ делового письма и включает такие главы: «Язык и стиль служебных документов», «Типичные ошибки в языке и стиле деловой корреспонденции», «Модели и варианты синтаксических конструкций», «Сокращения как заменители слов и словосочетаний», «Информативность и убедительность делового письма. Резолюция и визы», «Служебный речевой этикет», «Конкуренты письма — телефонный разговор, телефонограмма, телеграмма, деловая беседа».

Третья часть содержит характеристику отдельных видов писем: письмо-предупреждение, письмо-просьба, сопроводительное письмо и др. Заключает книгу «Краткий словарь делового человека», содержащий около восьмидесяти терминов, ключевых понятий, наиболее употребительных в сфере управления.

Таким образом, для книги П. В. Веселова «Аксиомы делового письма» характерен широкий аспект заданной тематики: это образцы не только письменного, но и устного общения (см. главу о телефонных разговорах, деловой беседе). При этом автор последовательно придерживается заданной установки: при всех видах делового общения автор текста, написанного и произносимого, — лицо обобщенное, типизированное.

К несомненным достоинствам книги следует отнести удачную попытку унификации делового письма в достаточно сжатом виде, а также принципиальное отсутствие исчерпывающего перечня всех образцов делового письма. Представление типизированных языковых штампов предполагает достаточно высокий уровень читателя. Описание делового письма в данной книге тоже само по себе типизировано.

Несомненно, эта книга будет полезна широкому кругу читателей: работникам сферы управления, секретарям, референтам, инспекторам, предпринимателям, а также всем тем, кто преподаёт русский язык.

*Ю. А. Сафонова,
кандидат филологических наук*

**Тематический указатель статей,
опубликованных в журнале
«Русская речь»
в 1994 году**

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев Э. Г. Пушкинские страницы Анны Ахматовой . . .	3, 4
Бельская Л. Л. «Жизнь — чудо из чудес...»	5
Виницкий И. Ю. «Невинное творенье»	2
Гапоненко П. А. Можно ли «шалить» клятвой? (О поэтической речи А. Н. Майкова)	6
Дюсембаева Г. З. Из наблюдений за наблюдающим за наблюдателем	3
Журавлева А. И. «Гамлетовский элемент» в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова	4
Илюшин А. А. Невоплощенная «Мадона»	1
Илюшин А. А. Сим обязан В. Скотту?	5
Илюшин А. А. «Старый русский великан»	2
Корчагина Л. П. «Нам надо учиться писать хорошо...» (Рассказы Л. Н. Толстого для детей)	5
Клещикова В. Н. Березовая горечь штосса	1
Кунин И. Ф. Как читать ранние стихи Пастернака . . .	1
Лекманов О. А. «Все было, как всегда...» (На подступах к «диалогу» между А. Блоком и Ф. Сологубом)	5
Обухова Э. А. Словарь «кармической» поэзии	6
Филин М. Ф. Сквозь петербургские очки	4
Чайковский Р. Р. Слова, вставшие на крыло (Афоризмы Булата Окуджавы)	2
Шунайко А. А. «Но мы живы, покамест есть прощенье и шрифт» (Взгляд на мир Иосифа Бродского)	2
<i>О переводах и переводчиках</i>	
Толстой Сергей. О поэтическом переводе	4
Лекманов О. А. Мандельштам «переводчик» Диккенса .	1

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Бальмонт Константин	2
Гиппиус Зинаида	4

Мережковский Дмитрий	3
Минский Николай	5
Соловьева (Allegro) Поликсена	1
Сологуб Федор	6

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Кюхельбекер В. Разбор «славянской грамматики» г. Пенинского и «Истории древней» г. Арсеньева	4
Милюков П. Н. Пушкин и Чаадаев	3
Ненайденный фрагмент романа В. Ф. Одоевского	5
Стихи Лидии Червинской	6
Эссеистика П. М. Бицилли	1, 2

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Белова А. А., Еселев М. М., Сцепуро П. Г. Об одном источнике медицинских терминов	5
Борунова С. Н. О написании сложных прилагательных в русском языке	4
Брусенская Г. А. Возвратные и невозвратные глаголы	6
Вакуров В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике	6
Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи	1
Грачев М. А. Об этимологии в русском аргю	4
Григорьева М. Ю. Нужно ли уметь мастерски говорить?	1
Григорян Э. А. Свой — чужой	3
Дагуров Г. В. <i>Достаточно и довольно</i>	2
Буглак С. И. <i>В самом деле или на самом деле?</i>	2
Еськова Н. А. Лингвистические задачи	3
Иванова О. Е. <i>Контекст: слово в языке и в словаре</i>	3
Карпинская Е. В. «Технологии» вошли в оборот	5
Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевые одежды Москвы	2, 3
Лазуткина Е. М. Похожие слова. Как их употреблять?	6
Левашов Е. А. «Иванов, Петров, Сидоров»	3
Левашов Е. А. «Спросим внутреннее чувство народа...»	5
Лихолитов П. В. Жаргонная речь уличных торговцев	4
Луков В. Д. Из материалов к русскому идеографическому словарю	6
Макарова О. Е. Почему бы и нет?!	1
Новиков А. Л. Семафоры проносятся мимо... (Об одном типе метонимии в русском языке)	5

Подольская Н. В. Заглавная и строчная буквы в культовых словах	1
Подчасова С. В. Брокеры, дилеры и другие посредники	5, 6
Подчасова С. В. Практикум по информатике	4
Пфандль Хайнрих. Русский язык в современной эмиграции	3
Хан-Пира Эр. Зек (зэк)	3
Хан-Пира Эр. Идеология: расширение значения	4

ИЗ ИСТОРИИ ГРАММАТИКИ

Серебряная И. Б. О грамматических спорах вокруг Голя	5
--	---

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Иванчикова Е. А. «Главный учитель русского языка». К 100-летию со дня рождения С. Г. Бархударова	2
Мурзаев Э. М. Владимир Андреевич Никонов. К 90-летию со дня рождения	4

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Багрянцева Г. И. Средства связи предложений в документах XVIII века	1
Багрянцева Г. И. «Учреждение о губерниях»	3
Вомперский В. П. Е. Р. Дашкова и Российская Академия	2
Козлова А. Ю. Загадочные слова «ключце» и «ключь» Толковой палеи	3
Кузнецов А. М. Почему Даугавпилс назывался Борисоглебовом	1
Подольская Н. В. По страницам Словаря И. Г. Спарвенфельда	6
Савельева Л. В. Источники и загадки нашей азбуки	5
Симонов Р. А. Древнерусский счет девяностами и девятками	4
Слово о житии и учении Стефана Пермского (<i>Перевод и примечания Г. С. Баранковой</i>)	1, 2, 4
Трофимова Н. В. «Воинские формулы» в «Казанской истории»	5
Чурмаева Н. В. Похвальное слово Буслаеву	6
Чурмаева Н. В. Слово в древнем тексте	4
Шубарич А. П. Русские учебники у австрийских сербов в XVIII—XIX веках	2

ОНОМАСТИКА

Комарова Р. А. «Мне дали имя при крещении — Анна»	2
Парфенова Н. Н. В крещении Иосиф, в миру Остромир	3
Подольская Н. В. Может ли у соловья вывестись скворец?	5

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Герд А. С. Советы диалектолога	5
--------------------------------	---

ТОПОНИМИКА

Горбаневский М. В. <i>Топонимия Москвы</i> . Васильевский спуск	2
Михайлова Л. В. Русские и финские названия в топонимии Валаама	6
Моисеев А. И. Севастополь, Чистополь (названия городов на <i>-поль</i>)	1
Мурзаев Э. М. <i>Топонимические мифы</i> . В поисках Беловодья	2
Отин Е. С. Самара и Жигули	5
Смолицкая Г. П. Переяславль на Трубеже	3
Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России	4—6

ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР. ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Владимирцев В. П. Ф. М. Достоевский и народная загадка	5
Доценко С. Н. «Воробьиная ночь» Алексея Ремизова	2
Зуева Т. В. «Кризис авторского замысла» или «просто-душнейшее умиление» поэта?	4
Из коллекции детского фольклора Е. В. Ржановской	6
Медриш Д. Н. Из жизни заглавий	5
Медриш Д. Н. Шестая сказка Пушкина, или Для чего собирались звери	1
Тарланов Е. З., Савельева Л. Е. Завершена ли первая сказка А. С. Пушкина?	4

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Арапова Н. С. Изложница	1
Арапова Н. С. Колосники	4
Арапова Н. С. Светотень	6
Арапова Н. С. Сирень	5

Бортник Г. В. Над какими «и» ставить точки?	2
Бушаков В. А. Крымское слово <i>тарапан</i>	4
Варбот Ж. Ж. Ряженка	4
Волошина Т. А. Собор, соборность... сбор	2
Гвоздарев Ю. А. Забытые фразы	6
Гвоздарев Ю. А. Строки библейской мудрости	3
Коряковцева Е. И. Бог шельму метит	1
Кругликова Л. В. Старый воробей и желторотый птенец	3
Кулмаматов Д. С. Бить челом	1
Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Еще не вечер	1
Сетаров Д. С. Слова и выражения, возникшие по ошибке	5
Шустов А. Н. Непригожее лицо	5

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Рахманова Л. И. Как обращаться с названиями городов, деревень, сел	4
Чупашева О. М. Как выбрать знак препинания в бессоюзном сложном предложении	2
Чупашева О. М. Односоставное или двусоставное? Полное или краткое?	3

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Борунова С. Н. Где ставить ударение	2
Борунова С. Н. Покаяние и покаяние	5
Еськова Н. А. Всем ли благотворны порывы любви?	6
Еськова Н. А. «Ржаное хлебо», «Воронёж» и «ковш Большой Медведицы»	1
Киквидзе З. З. Грани зеркала: от «мы» к «Вы»	6
Колин Александр. Простой и сложный крыловский ларчик	2
Кретов А. А. «И цезарь не выше грамматиков»	6
Кривенко Б. В. Из жизни окказионализмов	3
Подольская Н. В. Как говорили в Москве	6
Хан-Пира Эр. По поводу второго рождения кое-какеров	1

ИНФОРМАЦИЯ

Новый старый журнал. Возобновляется издание «Живой старины»	2
---	---

СРЕДИ КНИГ

Белянин В. П., Бутенко И. А. Толковый словарь современных фразеологизмов и присловий	6
Ваулина Е. Ю. О толковом тематическом словаре русских глаголов	1
Веселов П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки	6
Соловей Н. Я. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»	4